

№7
Июль 2022

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

Стр. 8

**МЕДЕЯ КУЧУХИДЗЕ:
МЫ ЖИВЕМ В «ОСЕВОЕ ВРЕМЯ»**

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель и.о. главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7 (201)
Июль 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЗДРАВСТВУЙ, КНИГА!
- 7 «ХОДИТЬ ПО ТБИЛИСИ БЫЛО ЗДОРОВО»
- 8 МЫ ЖИВЕМ В «ОСЕВОЕ ВРЕМЯ»...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 ПРИЗНАННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВРЕМЕННОСТИ
ВАЛЕРИЙ АСАТИАНИ
- 18 «ТРУДНОСТИ? КОГДА ЖЕ ИХ НЕ БЫЛО!»
АРТЕМ КОМАРОВ
- 23 ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК
- 24 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ГЕНАЦВАЛЕ
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 33 В ПОТОКЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ
- 34 «АРММОНО» – ПРОСТРАНСТВО ТАЛАНТА И ЛЮБВИ
НИНА ШАДУРИ
- 38 «ИСПИВШИЙ ВОДЫ ИЗ КУРЫ»...
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 44 «ДА, ЭТО Я...»
- 46 «...И РУКА НЕВОЛЬНО ТЯНЕТСЯ К КОШЕЛЬКУ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 50 ЛЮБОВЬ БЕЗ АКЦЕНТА
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 53 УРОКИ ЧХЕИДZE

На обложке – фото Серго Эдишерашвили

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ЧЕРНО-ЖЕЛТЫЕ ТАКСИ

Одетый в ветхое тряпье, опустившийся старик попал под трамвай. Он не попал под колеса, трамвай его просто сбил. Старик получил внутренние повреждения. И никто из недавно появившихся в городе таксистов, снующих по узким улочкам прекрасной Барселоны, не вызвался отвезти несчастного в больницу. Случаются такие городские маленькие трагедии. Но не эта! Это была трагедия поистине вселенского масштаба, ибо она случилась с одним из всемирно известных гениев. К слову, с одним из самых богатых жителей древней столицы Каталонии. С великим архитектором Антонио Гауди.

Он родился близ Барселоны в середине лета 1852 года в семье котельных дел мастера. Антонио рос очень больным ребенком, у него был ревматоидный артрит в тяжелой форме. Это полностью отделило его от сверстников, ведь ему были недоступны детские игры на берегу моря. Антонио во время приступов даже не мог нормально ходить и ездил на маленьком ослике, терпеливо сносая насмешки знакомых мальчишек. А ко всему прочему, маленького мальчика беспокоили проблемы

со зрением – один глаз был сильно близоруким, а другой очень дальноруким. Но всю свою жизнь Гауди отказывался носить очки, считая, что это нарушение Промысла Божия – он был очень набожным человеком. Так всю жизнь он и смотрел на мир поочередно то одним глазом, то двумя. Друзья считали, что Антонио именно из-за своего дефекта и видел мир таким особенным – ведь его архитектура была очень необычной. Невероятная фантазия и скверное зрение позволяли ему избегать традиционной «правильной» геометрии, он говорил: «Пусть исчезнут углы, и материя щедро предстанет в своих астральных округлостях: солнце проникнет сюда со всех сторон и возникнет образ рая». Гауди строил дома, украшенные ракушками, улитками, морскими звездами и облаками, их элементы напоминали кораллы, тропические фрукты и гигантские оплывшие свечи. Или вдруг украшал фасад керамикой с узорами богатого мавританского ковра из прекрасных восточных сказок. Барселона отныне и навсегда стала городом Антонио Гауди (ударение на последний слог!), при том, что домов-то он построил немного, чуть больше десятка, не считая парка Гуэль для своего ближайшего друга и покровителя, а также легендарного, до сих пор строящегося собора Sagrada Família. К старости Гауди совсем замкнулся, стал необщительным и занимался только строительством собора. Он перестал следить за собой и стал похож на грязного бродягу. Когда слепо угодил под трамвай и потерял сознание, у него не было в кармане документов. И только на следующие сутки в лечебнице для нищих его нашел капеллан храма. Но было уже поздно. Похороны были пышными. Говорят, что барселонские таксисты с той поры красят свои машины в черный цвет скорби и желтый цвет стыда, потому что отказались везти в больницу великого архитектора.

ОТ ТОРПЕДОНОСЦА ДО МОПЕДА

Ровно сто пять лет назад в далекой Японии два талантливых молодых человека, инженер Сайбэй Каваниси и военный моряк по имени Тихухэй Накадзима, а по совместительству выдающийся бизнесмен и один из первых японских пилотов, научившийся летать на самолетах в американской школе легендарного пионера авиации Кертиса, решили заняться предпринимательством. Они создали фирму по разработке и производству военных самолетов и двигателей к ним. Тема была модная, благо в Первой мировой

войне развитие авиации получило мощный толчок. Дружбы у них не получилось, и через год Накадзима с большим успехом продолжил один. Очевидно, помогли связи в военном министерстве, а еще, по слухам, ему симпатизировал сам император. Вскоро Накадзима создал огромную производственную сеть из двенадцати заводов и стал одним из двух крупнейших производителей самолетов в Японии. К началу Второй мировой войны Накадзима освоил выпуск отечественных истребителей и бомбардировщиков. Но наиболее известными стали его торпедоносцы, повредившие и потопившие немало американских кораблей. После войны Накадзиму, естественно, досталось от оккупационных властей, его ненадолго посадили в тюрьму под следствие, но в военных преступлениях так и не обвинили «за недостатком улик». Однако производство продолжал не было возможностей. Во-первых, некоторые заводы и склады пострадали от бомбардировок, а во-вторых, военное производство в проигравшей стране было запрещено. В итоге компания Накадзимы была национализирована. «Беспризорниками» осталась целая группа бывших его предприятий, названных Арсеналом №1. Но на их основе был создан не один гигант японской индустрии, Из шести осколков империи Накадзимы, который к тому времени скончался, в начале пятидесятых годов было создано новое производственное объединение Fuji Heavy Industries Ltd., или знаменитая автомобильная компания Субару. И начали они с... мотороллеров «Fuji Rabbit» (Кролик Фуджи). Пострадавшей в войне стране нужны были дешевые шустрые индивидуальные транспортные средства. И первый образец «Кролика» подарили лично императору. Ему очень понравились, особенно его детям, маленьким принцам. Мотороллеры Субару оказались интереснее, современнее и лучше европейских конкурентов, хотя и имели довольно неказистый вид. Они признаны Обществом инженеров автомобильной промышленности и транспорта одним из 240

памятников японских технологий автомобилестроения. Любопытно, что на первых «Кроliках» были установлены колеса от хвостовых авиационных шасси военных самолетов производства Накадзимы. Начали производство с мопедов, а потом были легендарные Р1, 360, 1000, 1500, Легаси, Импреца, Аутбэк, Форестер и многие из бесчисленного ряда автомобилей Субару. Потом, кроме легковых автомобилей, стали выпускать автобусы, железнодорожные составы, аэрокосмическую технику и многое, многое другое. А слово «субару» в переводе с японского – это название звездного скопления Плеяды в созвездии Тельца.

ГРАФ, БАРОН И ДОН ЖУАН

Каких только ролей за свою долгую профессиональную карьеру не сыграл блестящий грузинский актер театра и кино Нодар Мгалоблишвили, коренной тбилисец и любимец публики не только всей Грузии, но и всего Советского Союза. Его называли «мудрецом с печальным взглядом» – таким он запомнился в роли графа Калиостро в знаменитом фильме «Формула любви» режиссера Марка Захарова. Среди замечательного актерского состава столичных знаменитостей грузинский актер несколько не затерялся. Он сыграл так точно, виртуозно и элегантно, молчаливо и с минимумом мимики, что коллеги долго вспоминали с восхищением его мастерство. Это был очень глубокий и интересный человек, настоящий творец и мыслитель. Его театральные роли, подчас острохарактерные и отрицательные, приводили в восторг искушенную тбилисскую публику. А ведь в начале карьеры Нодара Александровича, ученика знаменитых Акакия Хорава и Акакия

Васадзе, режиссеры использовали в ролях героев-любовников. Но затем заметили его талант и харизму и стали доверять роли характерных героев, подчас с отрицательным обаянием. После «Формулы любви» его пригласили в Москву, но Мгалоблишвили решительно отказался, не желая покидать Родину. Его приглашали на съемки регулярно – как актер он оказался востребованным. Перерыв в профессиональной карьере случился только в трудной первой половине 90-х годов, когда приходилось просто выживать, подчас торгуя автозапчастями. Но все плохое рано или поздно заканчивается. Нодар Александрович не бросил профессию и продолжал сниматься до самых преклонных лет. И как блестяще он играл! Один «крестный отец» из сериала «По имени Барон» чего стоит. Или постаревший Дон Жуан, или Бородатый в «Спецназе». Нам повезло видеть его искусство в фильмах, на телеэкране и на сцене. Он родился 91 год тому назад 15 июля, в самой середине жаркого тбилисского лета.

СТОЛОВЫЕ НОЖИ КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ

Летом 1637 года кардинал Ришелье решил дать праздничный обед, на который пригласил множество самого разного народа, но, помня о своих бесчисленных врагах, приказал закруглить все кинжалы, которые использовались для нарезания мяса. И создал таким образом столовый нож. Это был не единственный его вклад в застольный этикет. Именно Ришелье впервые стал использовать большие тарелки, на которые укладывали одновременно куски горячего, понемногу несколько салатов и гарниров – кардинал был человек занятой и часто ел прямо на рабочем месте.

ЮБИЛЕЙ ОРХАНА ПАМУКА

Этим летом исполняется семьдесят лет турецкому писателю Орхану Памуку, автору прекрасных романов о великолепном и загадочном городе Стамбуле. Его книги переведены более чем на пятьдесят языков. За свои произведения Памук награжден многими премиями разных стран. А в 2006 году он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе с формулировкой – автору, «который в поисках меланхолической души родного города нашел новые символы для столкновения и переплетения культур».

НЕИНТЕРЕСНЫЕ ЛЕКЦИИ МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Легендарный русский путешественник Николай Миклухо-Маклай – один из первых отечественных этнографов. Мы все видели в кино, как он жил среди людоедов Новой Гвинеи и попадал в самые разнообразные переделки на тропических экзотических островах. Но вот что интересно, начиная со студенческих лет, Маклай в России почти и не жил. Бывал там очень редко и говорил по-русски, скажем прямо, неважно, объясняя, что забыл родной язык за годы странствий. Редкие лекции знаменитого путешественника публике не нравились – мол, говорит тихо, вяло, подолгу ищет подходящие выражения и вставляет иностранные слова. В конце жизни, тяжело заболев, он вернулся на родину. А двое его сыновей не говорили по-русски совершенно...

ЗДРАВСТВУЙ, КНИГА!

Как часто мы замечаем молодых людей с книгами в транспорте, парках, на улицах? К сожалению, 99 процентов сидит в мобильных телефонах, причем большинство пролистывает новости на Фейсбуке. А ведь для успеха в эпоху современных технологий в первую очередь необходимо образование. И без книги оно просто невообразимо.

Поэтому так хочется поделиться увиденным в выставочном пространстве 6-го и 11-го павильонов Expo Georgia. Там прошел 24-й Тбилисский международный книжный фестиваль, основанный в 1997 году Ассоциацией издателей и распространителей книг Грузии. В эти дни у книжных стеллажей толпились все – от мала до велика!

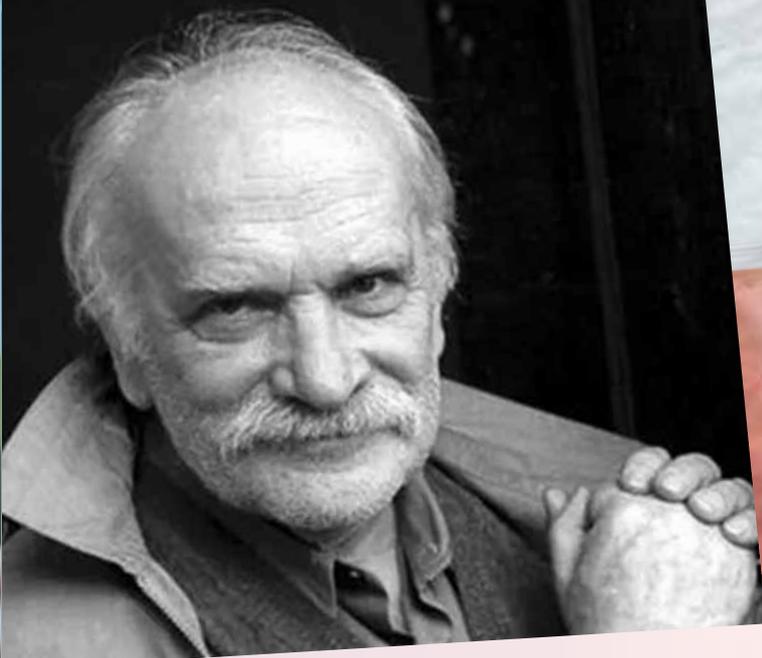
На фестивале были представлены издательства «Артануджи», «Диоген», «Интеллект», «Сулакаури» и другие, всего – около 80 участников.

А самое главное – на фестиваль пришло очень много молодых людей – они брали книги с выставочных стендов, просматривали и покупали!

В одиннадцатом павильоне была оборудована сцена для представления авторов, рассказов о новых книгах, выступлений актеров и, конечно, для дискуссий, в которых участвовали писатель новый лауреат премии Европейского Союза в области литературы за роман «Бункер» Ива Пезуашвили, писательница из Украины Евгения Кузнецова, литовский писатель Томас Вайсет. Прошли презентации новых книг Бесо Хведелидзе, Зураба Кикнадзе, Джубы Гегели, Русудан Горгиладзе...

А шестой павильон полностью оборудовали для детей. Их встречали аниматоры – герои сказок. У юных посетителей фестиваля была возможность порисовать на пару с иллюстратором бестселлеров «Артануджи» Варламом Джмухадзе и даже сделать миниатюрные книжки.

В общем, настоящий трехдневный праздник для книголюбов!

ДАТА

«ХОДИТЬ ПО ТБИЛИСИ БЫЛО ЗДОРОВО»

90 лет назад родился выдающийся режиссер и педагог Петр Наумович Фоменко (1932-2012)

К моменту приезда в Тбилиси за его плечами были и проблемы, и скандалы, но слава уже бежала впереди...

В 1953 году Фоменко отчислили с третьего курса актерского факультета Школы-студии МХАТ «за хулиганство». Через год поступил на филологический факультет Московского педагогического института. Параллельно учился на режиссерском факультете ГИТИСа, в 1958 году выпустил первый спектакль. А по той неприяности пошли одна за другой – запрещенный спектакль «Смерть Тарелкина» в театре Маяковского, не допущенная до премьеры «Новая Мистерия-Буфф» в театре Ленсовета. В театре на Таганке Фоменко ставит «Дознание» по Петеру Вайсу, но отказывается подогнать спектакль под стилистику Таганки, и Любимов снимает его с репертуара. В Театре на Малой Бронной не смог поладить с любимой актрисой Анатолия Эфроса Ольгой Яковлевой...

И вот, как рассказывал сам Петр Наумович, «после московских мытарств, после питерских попыток что-то сделать и выпустить мне довелось попасть в Тбилиси. Позвал меня Гига Лордкипанидзе – в ту пору главный режиссер Грибоедовского театра. Так я оказался в Грузии».

«Я его пригласил по рекомендации Толи Эфроса – моего ближайшего друга по ГИТИСу, – вспоминал Лордкипанидзе. – Тогда у Фоменко было тяжелое положение – он считался диссидентом, в Москве был без работы, и я сказал Эфросу: «Пусть немедленно приезжает».

За два года работы в Грибоедовском он поставил «Свой остров» Раймонда Каугера (1971 г.), «Дорогу цветов, или Меня никто не понимает» Валентина Катаева (1972 г.) и – вернулся в Москву. А жаль! Ведь в его ближайших планах были Островский и «Маленькие трагедии» Пушкина...

«Тбилиси – удивительный город, – говорил Петр Наумович. – Он вооружил меня другим воздухом, другим ритмом. И ходить по Тбилиси – в театр и из театра, через Куру по мосту – было здорово. Я на Кавказе мало где бывал, но город, думаю, уникальный. Он – интернациональный. Я уверен, что какой-то особый дух никогда из Тбилиси не искоренится, независимо от политики. После Грибоедовского театра у меня в Тбилиси больше работы не было, а очень хотелось бы!».

В мае 2013 года в фойе Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А. С. Грибоедова появилась мемориальная доска памяти выдающегося российского режиссера Петра Наумовича Фоменко – первая после ухода режиссера из жизни.

МЫ ЖИВЕМ В «ОСЕВОЕ ВРЕМЯ»...

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Часто приходится слышать, что режиссер — не женская профессия. И в самом деле, много ли можно назвать женщин, посвятивших себя режиссуре и достигших в этой сфере значительных высот? Особенно — в театре? Немного. Правда, в последнее время ситуация меняется, и все больше женщин ломают сложившиеся стереотипы. Когда в режиссуру пришла народная артистка Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили Медея Кучухидзе, личность поистине легендарная, а это произошло в 60-е годы прошлого столетия, далеко не всем было очевидно, что за девичьей хрупкостью и нежностью скрывается лидер с сильным характером и своим, особенным мировидением. Зато все сразу разглядели в Медее незаурядные артистические способности — не говоря уже о ярких

внешних данных — и стали прочить ей славу выдающейся актрисы.

«РОДИЛАСЬ НОВАЯ МАКО САПАРОВА!»

— В отличие от родных Роберта Стура и Темура Чхеидзе, мои не имели отношения к театру, искусству вообще, — рассказывает Медея Кучухидзе. — После школы я поступила в университет на исторический факультет — интересовалась историей... Но вскоре передо мной возникло искушение: был объявлен прием на режиссерский факультет театрального института, и я решила подать заявление. Мне пришлось не только выполнить письменную работу, но и сдать экзамен по актерскому мастерству. В приемной комиссии были

мэтры Додо Алексидзе, Акакий Хорава. Я показала этюд на заданную тему, после чего раздалась аплодисменты. Вся комиссия аплодировала! А Акакий Хорава со словами «Родилась новая Мако Сапарова!» (Мария Сапарова-Абашидзе — выдающаяся грузинская актриса и театральная деятель. — И.Б.) поднял меня на руки.

Нашу группу взял сначала легендарный режиссер Василий Кушиташвили, работавший во Франции, в парижских театрах Антуана, «Одеон» и «Ателье», а затем в США, где он поставил «Вишневый сад» А.П. Чехова. Помню, как перед началом занятий Василий Павлович собрал нас и предложил познакомиться. Каждый из нас сказал что-то о себе, а потом взял слово сам Кушиташвили. Как же интересно он рассказывал о своей удивительной жизни! Василий Павлович тоже видел меня актрисой, убеждал, что в театре главный человек — актер. Что десять гениальных режиссеров, художников, композиторов — это еще не театр, а вот один актер — это уже театр.

Кстати, моим однокурсником был Робик Стура, в студенческом спектакле которого я играла. Кроме него, на нашем курсе учились Темур Абашидзе, Гурам Жвания, Инга Гаручава, Нелли Эшба. И Серго Закариадзе, преподававший нам сценречи, тоже считал меня очень одаренной актрисой. В дальнейшем я вышла на сцену в этом качестве. В своем спектакле «С любовью не шутят» А. Мюссе в театре Марджанишвили заменила Изу Гигошвили, ушедшую в декретный отпуск; приняла участие в телепостановке «Юпитер смеется» А. Кронина...

Однако актерство все-таки не стало делом моей жизни — меня увлекла режиссура. Михаила Ивановича Туманишвили, который взял наш курс после Кушиташвили, попросили что-нибудь поставить в Театре санкультуры, а он порекомендовал меня как свою подающую надежды ученицу. И я там защитила курсовую и дипломную работы — поставила грузинскую пьесу, а также «Щедрый вечер» чешского драматурга В. Блажека. Позднее меня

Постановочная группа спектакля «Мать» К. Чапека

вызвал министр культуры профессор Тенгиз Буачидзе и сказал, что необходимо развивать в Сухуми грузинский театр. И я поехала, тем самым выполнив желание Василия Кушиташвили, который звал меня туда – он руководил Сухумским театром в 1961-1962 годы. В 1962 году Василия Павловича не стало. Сухумский период оказался для меня тяжелым. Никита Хрущев снял государственные дотации театров, и наше финансовое положение значительно ухудшилось. Я буквально голодала и в итоге серьезно заболела. Меня перевели в Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели педагогом.

«ДНЕВНИК АННЫ ФРАНК»

Гига Лордкипанидзе, главный режиссер Тбилисского русского театра имени Грибоедова, видевший сухумские спектакли Медеи Кучухидзе (среди них «Снежная королева», «Я вижу солнце» по Нодару Думбадзе, американская комедия, «Верю в тебя» В. Коростылева), предложил ей поработать в Грибоедовском.

– В Тбилиси приехала блистательная Ариадна Шенгелая, и с ее участием родился спектакль «Дневник Анны Франк» Гудрич и Хаккета. Это был грандиозный успех, с конной милицией перед началом представлений! Бывшие соседи, евреи, переехавшие в Израиль, связались со мной по телефону и сообщили, что ус-

лышали по BBC информацию: христианка поставила в СССР «Дневник Анны Франк» и теперь во всех синагогах в честь режиссера звучат молитвы. Спектакль в основном предназначался для дебюта очаровательной и талантливой киноактрисы Ариадны Шенгелая, которая в ту пору была в зените славы. Но я и сама давно хотела поставить «Дневник», у меня уже даже был готов режиссерский план. «Дневник Анны Франк» тогда только вышел в свет, и на грузинском языке тоже, и произвел сенсацию. Однако пьеса, в основе которой лежит «Дневник Анны Франк», почему-то была в списке нереконмендованных к постановке Министерством культуры. Но Гига все-таки рискнул...

Это были замечательные репетиции, я получила большое удовольствие от работы с актерами – в том числе и с Мавром Пясецким, с которым режиссерам иногда приходилось не просто, но он послушно выполнял в спектакле все, что нужно. Потом мы с ним крепко подружились. А Ариадна Шенгелая? Однажды кто-то сказал мне: «Какая у тебя в «Дневнике Анны Франк» звучала удивительная музыка!» Но на самом деле музыки не было – только звуки. А всю музыку спектакля создавала поразительная девочка в исполнении Ариадны, которая ласково называла меня «Медеечка Шалвовачка»...

В 1960-е годы искусство не называлось шоу-бизнесом, театр оставался в первую очередь ис-

Медея Кучухидзе в юности

кусством вербальным, тогдашние режиссеры не издевались над гениальными драматургами. Тбилисские театры старались создать и сохранить индивидуальную неповторимость. Театр Грибоедова не был исключением. Здесь играла прекрасная труппа – талантливые актеры, работа с которыми обусловила мое дальнейшее продвижение в сложнейшей профессии режиссера.

«Дневник Анны Франк» мы поставили за 37 дней, работая утром и вечером. Это были счастливейшие дни моей жизни. После премьеры театровед Натела Урушадзе сказала мне: «Можешь не сомневаться, теперь ты нашла множество врагов!»... На «Анну Франк» пришел весь театр Марджанишвили, в том числе Верико Анджапаридзе. После спектакля она схватила меня за руку со словами: «Наконец-то я нашла режиссера, который поставит «Мать» Чапека!» И меня забрали в театр Марджанишвили, где я

Медя Кучухидзе в спектакле
«С любовью не шутят»

проработала полвека и поставила на его сцене 53 спектакля.

С ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОДТЕКСТОМ

— Один из моих любимых спектаклей — «Страх» Афиногенова. Это была очень сильная работа, признанная лучшим спектаклем года. Его премьера состоялась в Киеве. Отар Мегвинетухцеси был гениальным в этом спектакле, посвященном так называемым «чисткам партийных рядов». В драме Афиногенова эти действия оправдывались, а в моей постановке акценты сместились, и пьеса прозвучала по-другому. Вспоминаю слова Аркадия Райкина, с которым нас связывали теплые отношения. На мой вопрос, как ему удается утверждать сатирический репертуар, он ответил так: «Все дело в интонации!». В «Страхе» мной не было изменено ни одного слова. Но ведь один и тот же текст может прозвучать совершенно по-разному.

Кстати, за остроту и актуальность были сняты некоторые мои постановки. К примеру, в

На репетиции «Провинциальной истории»

спектакле «Искусство комедии» Эдуардо де Филиппо затрагивались проблемы театральные, и они звучали очень злободневно. Причем острый монолог одного из героев произносился прямо у правительственной ложи, где однажды сидел тогдашний руководитель Грузии Василий Мжаванадзе. Ему спектакль понравился, о чем он мне сказал сам. Тем не менее через какое-то время «Искусство комедии» все-таки сняли с репертуара. Как и спектакль «Ваче Вачеишвили и другие» А. Самсония, в котором то ли шло строительство, то ли происходило разрушение... До премьеры дело даже не дошло... Драматична и судьба спектакля «Синее чудовище» Гоцци. Пьеса написана в стилистике комедии дель арте. Поэтому в каких-то сценах предполагается импровизация на актуальные темы. И я затронула злободневные вопросы нашей действительности, за что и поплатилась.

«СТЕКЛЯННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ»

— Работала я и в театре Руставели, Серго Закариадзе был там худруком и пригласил меня на постановку «Стеклянного зверинца» Теннесси Уильямса. Хотел, чтобы я играла в спектакле главную роль Лауры, но я пригласила чудесную Беллу Амيرانашвили. Она уже была больна,

возникли серьезные проблемы с ногами, но мы сумели в спектакле обыграть этот момент... В школе героиню Беллы Амيرانашвили Лауру называли Rose. Когда девушка пропустила занятия, то объяснила причину этого одним словом: «Neurosis!» (невроз). От этого слова родилось ее прозвище — Rose. Я не люблю переделывать автора, всегда к этому моменту отношусь очень деликатно. Когда Лауру в моем спектакле спросили, почему она пропустила занятия, девушка ответила (на грузинском, естественно!): «ღაგარდი!» (упала!). От этого глагола возникло ვარდი (роза)...

Спектакль получился, но болезнь Беллы, увы, прогрессировала. На очередном представлении актриса упала и уже не смогла подняться. Серго Закариадзе уговаривал меня сыграть эту роль. Но я не могла. Ведь наш спектакль был о том, что даже маленький камешек нужно беречь... И я не могла причинить Белле боль. Думала: «Пусть она знает, что без нее спектакля не может быть!» Серго меня поблагодарил, и мы сняли «Стеклянный зверинец» с репертуара. Потом я почти ежедневно виделась с Беллой, которую муж, замечательный актер Кахи Кавсадзе, буквально, а не в переносном смысле носил на руках. Потому что она совсем не могла ходить.

А вот постановкой «Матери» Чапека с Верико Анджапаридзе

я не совсем довольна, но почему-то считалось, что это очень хороший спектакль. Верико была отмечена в Праге как лучшая актриса...

ПОЛИКАРПЭ КАКАБАДЗЕ

— Горжусь тем, что первая поставила пьесы Поликарпэ Какабадзе (как и произведения Р. Клдиашвили, Л. Табукашвили, Л. Малазониа, Г. Хухашвили, Д. Иоселиани). Это гениальный грузинский драматург! Еще в студенческие годы, при жизни Какабадзе, я хотела поставить его мистерию «Три девы». Сочла необходимым спросить его разрешения на это. Какабадзе очень обрадо-

С Михаилом Туманишвили

вался, сказал, что эту одноактную пьесу хотел поставить еще Марджанишвили, но не успел. И предложил мне для постановки рукопись еще не опубликованной пьесы «Лесные женщины». И в 1972 году вышел мой спектакль «Три девы, лесные женщины». Какабадзе был доволен, звонил по два раза в день, вел долгие беседы, попросил меня поставить «Узники Портополо». Но при его жизни я не смогла это сделать. Уже после кончины драматурга, в 1994 году, я поставила «Узники Портополо», и, думаю, это был лучший мой спектакль.

«104 СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ»

В 1960-е годы появился на театральном горизонте еще один

драматург, привлечший внимание Медеи, — Эдвард Радзинский. Она поставила на сцене Грибоедовского театра его очень популярную пьесу «104 страницы про любовь», по которой снята не менее популярная картина «Еще раз про любовь». В спектакле Медеи главную роль сыграла Нелли Килосанидзе. Вот воспоминания актрисы:

«Я очень любила спектакль «104 четыре страницы про любовь», поставленный замечательным режиссером Медеей Кучухидзе. С ней у нас возник полный унисон. Это — один из первых спектаклей в Тбилиси Бориса Казинца. Он исполнял роль моего партнера — Электрона. Очень хорошо играли Джемал Сихарулидзе и Лариса Крылова. Спектакль был поставлен красиво: использовался ультрафиолетовый свет, так что в ночных сценах мы все словно светились. Звукорежиссер Рафик Гевенян подобрал прекрасную музыку. Есть постановки, в которыхходишь на сцену и не хочешь уходить. Таких немного — когда удовлетворяло все, когда мне на сцене было хорошо и комфортно. Среди них и спектакль «104 страницы про любовь».

Прошло 55 лет лет, но Нелли по сей день бережно хранит программку с надписью, сделанной Медеей: «Благодарю за очень приятную работу. За чуткость, за человечность. Всегда с радостью буду вспоминать все наши стра-

ницы. Желаю расти и впредь. М. Кучухидзе. 28 мая 1965 года».

ЛАЛИ РОСЕБА

— Я открыла публике очень талантливого драматурга Лали Росеба, которая сразу, с первого же спектакля «Премьера», стала для меня очень близким человеком, я даже крестила ее сына Георгия, — вспоминает Медея Кучухидзе. — Лали — дочь актрисы Кето Бочоришвили, которая играет жену главного героя в фильме «Отец солдата». Будущий драматург выросла в деревне, после школы поступила в Тбилисский институт иностранных языков, потом вышла замуж, переехала в Москву и работала в Третьяковской галерее гидом для иностранцев, занималась живописью. А еще писала пьесы, которые никто не ставил. Гига Лордкипанидзе предложил мне однажды прочитать ее драму о театре «Премьера», я прочла и сказала: «Преступление не поставить ее!» Начался настоящий бум, и теперь все хотели работать с Лали Росеба. Но мне она давала право первой постановки...

Огромным успехом пользовался спектакль «Провинциальная история» по пьесе Росеба с прекрасными актерскими работами Наны Чиквинидзе, Отара Мегвинетухуцеси, Гизо Сихарулидзе, Гуранды Габуния. Когда с этим спектаклем и «Отелло»

После премьеры спектакля «Саповнела» Р. Клдиашвили

На приеме у Папы Римского Иоанна-Павла II

Темура Чхеидзе мы были на гастролях в Великобритании, то выступали в шотландском городе Глазго... Спектакль кончился и... никаких аплодисментов! Это потом я узнала, что знак одобрения там отнюдь не аплодисменты – зрители включают зажигалки и стучат ногами... На второй спектакль из Лондона приехали видные театральные деятели и привезли мне номер газеты «Financial Times» с рецензией на «Провинциальную историю» и фотографией актера Гизо Сихарулидзе. Спектакль понравился Католикосу-патриарху всея Грузии Илие II. Он сказал, что это не просто спектакль, а спектакль-исповедь.

«ОТ МЕДЕИ КУЧУХИДЗЕ Я ПОЛУЧИЛ БОЛЬШОЙ УРОК»

Япония волновала Медею с ранних лет, в детстве ее называли японкой, намекая прежде всего на некое внешнее сходство. Но этим связь, естественно, не исчерпывается. Все гораздо глубже – Медее с юности был интересен японский феномен, культура, философия... Ей так хотелось заниматься этой темой

профессионально, но соответствующего факультета в Тбилиси не было, а отправить любознательную девочку на учебу вдали от родины семье было не по карману. Но Япония пришла в ее жизнь через театр, творчество.

– В 1970-е годы вышел в свет сборник японских пьес знаменитого драматурга Чикамацу, и мне они очень понравились. Я решила поставить пьесу «Самоубийство влюбленных на острове Небесных сетей». На грузинский ее перевел Джемал Аджиашвили. Зарубежных посольств в Грузии тогда не было, но в Москве диппредставительства получали газеты, из которых японцы и узнали, что в Тбилиси поставили пьесу Чикамацу, позвонили в театр. И началось!

Приехавшие к нам представители посольства сообщили в Токио о премьерке, и я получила приглашение от правительства Японии, причем приглашающая сторона оплачивала все. Два года тянулась канитель, но в конце концов я все-таки поехала. Причем во время ослобления отношений СССР с Западом из-за сбитаго в 1983 году корейского самолета. Из Москвы по

нили в ЦК Грузии с требованием срочно прислать Медею Кучухидзе. А в столице мне сказали: «Медея Шалвовна, мы на вас надеемся!» И я, по сути, выступила в роли посла мира...

В Японии меня ожидал прием на высочайшем уровне. Повели в театр Кабуки. Я познакомилась со многими яркими личностями. Среди них – актер и художественный руководитель театра Кабуки Накамура Утаэмон VI, у которого был титул «Живое сокровище Японии». Это была грандиозная личность! Он приехал в Тбилиси, чтобы посмотреть наш спектакль, вскоре привез в Грузию Кабуки. А потом были гастролы театра Марджанишвили в Японии... Из воспоминаний Накамуры Утаэмона VI:

«Была вторая декада сентября 1984 года. Теракава, Фукусуюки и я приехали в Тбилиси, чтобы посмотреть в театре Марджанишвили спектакль «Самоубийство влюбленных на острове Небесных сетей». Суть пьесы Чикамацу была так остро поймана и выражена, что я был ошеломлен. И все на сцене происходило в западной стилистике. Мне захотелось привести в замечательный Тбилиси театр

Кабуки: я так решил. Это произошло в июне 1987 года. В большом зале публика каждый раз вставала, наши гастролы имели огромный успех. Мы всем составом посмотрели в театре Марджанишвили «Самоубийство влюбленных». В лице Чикамацу Япония вошла в грузинский театр, и возникла таким образом реальная связь. Это спектакль западной стилистики, но блестяще выражает душу пьесы Чикамацу. От Медеи Кучухидзе я получил большой урок».

СТРАСТИ КАРЕНИНОЙ И ФИЛОСОФИЯ ЛЕВИНА

«Анна Каренина» – спектакль, который Медея не считает своей удачей... Софиико Чиаурели, сыгравшая Анну, попросила ее поставить роман Толстого: всегда мечтала об этой роли. Инсценировку сделала Лали Росеба. «Я обратила ее внимание на то, что если присмотреться, то больше половины произведения посвящено Левину. При этом Левин с Анной в романе встречаются всего однажды. Два максималиста, которых судьба не свела, но, думается, они были предназначены друг для друга», – говорит Медея.

А это – из воспоминаний Котэ Махарадзе, сыгравшего Каренина:

«Лали Росеба смело отошла от привычного треугольника: Анна-Вронский-Каренин. Адюльтер не стал главным, в этом была принципиальная новизна, так как во всех других инсценировках главенствовала именно эта сюжетная линия – броская, эмоциональная, захватывающая. Ее помнят даже те, кто прочел роман в далекой юности. В нашей же инсценировке главным героем стал Левин. Впрочем, и у Толстого это именно так... Левин и есть прототип автора, в нем преломляются основные идеи произведения».

«ПЕРЕД ЛАВКОЙ ЮВЕЛИРА»

– Мне очень понравилась пьеса под таким названием Папы Римского Иоанна-Павла II, известного как драматург Кароль Войтыла. Перевод сделал

Медея Кучухидзе

Гиви Шахназари, мы начали репетировать, ничего не афишируя, но неожиданно в Тбилиси позвонил нунций из посольства Ватикана и выразил желание встретиться с режиссером. Это был тяжелый для Грузии период, и Ватикан частично профинансировал постановку. «Откуда вы узнали?» – поинтересовалась я у нунция. – «От Шеварднадзе!» Тот знал все...

«Перед лавкой ювелира» – тоже мой любимый спектакль. И он о любви. У меня есть и стихи, и философские произведения Войтылы. Кстати, он очень хорошо говорил по-русски. Папа Римский прибыл в Тбилиси с официальным визитом, прошел прием для интеллигенции. Мы с Гиви Шахназари подошли к нему с фотографиями и программкой нашего спектакля. Иоанн-Павел II обнял меня и поблагодарил, а я передала ему том сочинений Поликарпа Какабадзе, мечтавшего, чтобы его произведения были в библиотеке Ватикана. Я отметила, что это наш лучший драматург. Позднее мне прислали из Ватикана фотографии, запечатлевшие незабываемую встречу.

БЕЗ ТЕАТРА

– С политическими переменами в 2000-е годы я попала под сокращение: был устранен штат рядовых режиссеров. Оставили только главного. Так что я оказалась вне театра, в котором про-

работала пять десятилетий. Из университета ушла еще раньше: забраковали меня за незнание компьютера. А в театр пришло молодое поколение, и новое руководство сняло с репертуара все мои спектакли. Так и не был выпущен совершенно готовый «Кандидат» Г. Флобера – о том, как политика отнимает функцию театра, много замыслов остались неосуществленными.

Тонкий, глубокий человек, Медея Шалвовна много размышляет, анализирует, пытается разобраться в происходящих процессах, обращаясь к философам разных времен. Говорит, что мы живем в новое «осевое время» (концепция немецкого философа и психиатра Карла Ясперса), когда переосмысливаются прежние нормы, обычаи, традиции и человек начинает интенсивно думать о смысле своей жизни.... А для нее лично многие вещи остаются невыблемыми.

– Я испытываю физическое отвращение ко лжи и сразу ее ощущаю! – говорит Медея Кучухидзе. А еще она категорически против переделывания классических пьес, всегда предпочитала работать с драматургией, а не с инсценировкой прозы. «Инсценировка всегда проигрывает гениальной прозе. Ни разу не видела спектакля, который понравился бы мне больше, чем роман». Спрашиваю ее: «Для Марджанишвили театр – праздник. А что для вас?» После молчания: «Сложный вопрос...»

ПРИЗНАННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВРЕМЕННОСТИ

— Валерий АСАТИАНИ

7 июня 2022 года в Тбилиском государственном университете царила необычайная атмосфера. Благодарные студенты, коллеги, представители общественности поздравляли с 85-летием и чествовали выдающегося грузинского ученого, педагога, достойного ученика Корнелия Кекелидзе и продолжателя его дела, академика Национальной Академии наук Грузии, профессора Элгуджу Хинтибидзе – всемирно признанного картвелолога и научного организатора.

Его активной деятельности остается только поражаться – почти невозможно поверить, что столь напряженный рабочий график и плодотворный труд по плечу одному человеку. И тем не менее это так.

Круглая дата – самый лучший повод вспомнить о заслугах

и достижениях юбиляра. Поэтому – судите сами.

Элгуджа Хинтибидзе был проректором по научной части Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, деканом филологического факультета, редактором журнала ТГУ «Литературоведение», был и остается заведующим кафедрой истории древнегрузинской литературы, организатором и издателем материалов международных симпозиумов картвелологии, членом редколлегии международного журнала «Георгики» – с момента основания до сегодняшнего дня, основателем и редактором международного двуязычного (грузино-английского) журнала «Картвелолог», основателем и руководителем Центра картвелологии и международной картвелологической

школы-семинара, участником и руководителем секций международных симпозиумов византологов и медиевистов. Он читал лекции и доклады в университетах Великобритании, США, России, Финляндии, Канады, Португалии, Италии, Ирана, Испании, Германии, Болгарии, Словении, Армении, Азербайджана... Профессор Хинтибидзе – член правления отделения Ассоциации византологов в Грузии, член международного Общества исследователей средневековой философии, президент Международной ассоциации поддержки картвелологии. Лауреат премии им. Ив. Джавахишвили. Кавалер Ордена Чести Грузии, международного Ордена Чести (Кембридж) – «за служение картвелологии».

Элгуджа Хинтибидзе – автор более 250 научных исследований и монографий, 55 из кото-

рых опубликованы за рубежом. Из его исследований по вопросам грузино-византийских и европейских литературных взаимосвязей я выделяю два: формирование теории о грузинском происхождении великих каппадокийских святых отцов – Василия Великого и Григола Носели. А также, что стало чрезвычайно значимым для европейской византологии, – формирование новой точки зрения и ее доказательной базы по вопросу даты создания и авторства очень популярного в Европе романа «История Варлаама и Иоасафа», созданного грузинским писателем Эквтиме Атонели. В большей степени именно изыскания грузинского ученого и обусловили тот факт, что в течение последнего десятилетия европейская медиавистика окончательно признала авторство Эквтиме Атонели.

Профессором Хинтибидзе были обнаружены, изучены и опубликованы совершенно неизвестные материалы по грузинской историографии: письмо испанских монархов Изабеллы и Фердинанда грузинскому царю Константину Второму (XV в.); древнейший европейский документ о Георгиевском трактате; фрагменты двух утерянных грузинских рукописей XI в. из Афона, хранившихся в Британском музее; неизвестные грузинские книги из Афонской обители; греческий и латинский переводы XIII в. фрагмента «Жития Георгия Атонели»; слово, произнесенное Аллахверди Ханом Ундиладзе при дворе Шаха Абасса I в конце XVI в., внесенное в напечатанные в XVII в. в Англии записки; сирийский гимн XIII в. о разорении Тбилиси из сирийской рукописи, хранящейся в Кембриджском университете.

Одна из главных сфер научной деятельности профессора Хинтибидзе – руствелология. Он сформулировал отличающуюся от прежних концепцию о мировоззрении Руставели и его месте в процессе развития европейского общественно-литературного мышления Средних веков. Эта концепция основана не только на столетнем научном опыте руствелологии, но и на авторских изысканиях и откры-

тиях, анализе художественных образов «Витязя в тигровой шкуре», его философско-теологических терминов, частичного влияния на мировоззрение Руставели античных, средневековых и ренессансных источников. Например: абсолютно новая интерпретация композиции и финала поэмы, открытие фразеологических связей «Витязя» с грузинской духовной литературой, влияние на него конкретных сочинений Платона и Аристотеля как философских источников и многое другое. Согласно концепции Хинтибидзе, мировоззрение Руставели представляет собой такого рода гармоническое сочетание Средневековья и Ренессанса, в котором отсутствует отрицание Средневековья – в нем средневековое пополняется ренессансным. На протяжении последней четверти прошлого века данная точка зрения ученого получила поддержку известных исследователей мирового литературного процесса. А на сегодняшний день – это всемирно признанная научная концепция мировоззрения Руставели.

За прошедшие десятилетия успешные научные изыскания профессора Хинтибидзе в области руствелологии и грузино-европейских литературных связей увенчались важнейшим открытием, связанным с культурным наследием Грузии и английским литера-

Элгуджа Хинтибидзе. Фото Демико Лоладзе

туроведением – в начале XVII века сюжет «Витязя в тигровой шкуре» стал литературным источником для популярных пьес английского Королевского театра – «Цимбелин» Уильяма Шекспира, «Филастер, или Окровавленная любовь» и «Король и не король» Фрэнсиса Бомонта и Джона Флетчера. Кроме того, ученый выявил и тот вероятный путь, по которому великое творчество Руставели могло прийти до высоких интеллектуальных кругов Англии эпохи Шекспира. Профессор опирался на одно из указаний, содержащихся в пьесах, что их действие происходит при грузинском царском дворе, а также на результаты изысканий английских исследователей, согласно которым основным литературным источником данных произведений может являться неизвестный роман Средних веков. Согласно открытию грузинского ученого, фабула и тема всех трех пьес – совершенно чужды для ранних пьес этих авторов и полностью совпадают с историей индийского царского двора в «Витязе» (выбор жениха для единственной царской

наследницы с целью ее вхождения на престол, трагедия царского двора, счастливый конец) и подробно повторяют детали его сюжета. Ученым выявлено много примеров использования в этих пьесах художественных образов и композиционных деталей поэмы Руставели.

Изыскания начались в 1994-1995 гг., когда профессор Хинтибидзе выиграл грант по результатам конкурса отдела прессы и международных отношений НАТО. Главы из написанной в результате монографии «Грузинская литература в европейской науке» и сейчас размещены на веб-сайте НАТО. Исследования грузинского ученого, отличающиеся исторической и литературной новизной, проводились на базе Центра кавказологии ТГУ с неоднократными продолжительными командировками в Великобританию (Лондон, Кембридж, Стратфорд). Научные доклады на основе новых материалов прочитаны профессором Хинтибидзе на международных конгрессах в известных университетах мира – в Колумбийском

университете в Нью-Йорке, университете Восточного Мичигана, университетах Тегерана, Петербурга, Лондона, Лидса. Из 3000 докладчиков 44-го международного конгресса медиевистов в США особыми наградами были отмечены пятеро ученых, в том числе и Э. Хинтибидзе. В 2016 году он был приглашен с докладом в Лондон, на юбилейный вечер, посвященный Шекспиру и Руставели. В ноябре 2018 года в Королевском Азиатском обществе Лондона состоялась презентация его монографии, изданной в Амстердаме.

Великое открытие профессора Хинтибидзе вызвало множество откликов грузинских и зарубежных ученых, журналистов, литераторов. Приведу лишь два отрывка из уже опубликованных статей.

Берт Бейнен, кавказолог, исследователь европейской куртуазной литературы (США, Филадельфия): «В монографии читатель найдет поразительный анализ отдельных случаев литературных пересечений... Сложно переоценить значение труда профессора Хинтибидзе. Он не

Чествование в ТГУ. Фото Демико Лоладзе

«Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге». Фото Гога Чанадири

только открыл совершенно неизвестные источники шекспировских пьес, но и обнаружил истоки нового литературного движения времен королевы Елизаветы I – трагикомедии».

Энтони Андерсон, английский ученый и писатель: «Необыкновенное исследование профессора Хинтибидзе, основанное на самом точном текстуальном анализе, безошибочно обнаруживает сходство в таких значительных вопросах, как окружение, тема, сюжет, действие, персонаж – и это безусловно выходит за рамки простого совпадения с архетипами и подтверждает очевидное влияние грузинской эпики на Шекспира, Бомонта и Флетчера».

Вся страна должна гордиться выдающимся открытием грузинского ученого в гуманитарной науке нашего столетия. Выявление, подтверждение и всемирное обнародование того факта, что «Витязь в тигровой шкуре», высшее проявление грузинской духовной культуры, был интеллектуальным источником европейской литературно-философской мысли эпохи Ренессанса,

стало великим достижением на пути к тому, чтобы Грузия заняла подобающее ей место в содружестве народов Европы.

А Элгуджа Хинтибидзе, исполнивший свой высокий долг перед народом, и сегодня находится в постоянном поиске новых открытий и продолжает преданно служить своему любимому делу.

P.S.

И небольшое воспоминание – под занавес.

Дело было в Петербурге. Мы успешно завершили масштабный международный проект «Дни Ильи Чавчавадзе», который организовал Союз «Русский клуб». Настал день вылета в Тбилиси. Делегация (нас было человек 15), которую возглавляли почтенные академики Элгуджа Хинтибидзе и Роин Метревели, погрузилась в автобус и отправилась в аэропорт. И тут мы попали в такую пробку, какой, наверное, никто из нас никогда не видывал. Час, другой, третий, четвертый.... (Кстати, потом выяснилось, что ради нас специально задержали рейс, и я боюсь представить, какими словами поносили нас остальные пассажиры). Наконец приехали в Пулково. Площадь перед аэропортом была покрыта глубоким снегом, а подъездная дорога ко входу забита автобусами и машинами – тоже пробка. Мы вылезли из автобуса и потащились со своими чемоданами наперерез, через сугробы. Взмокшие, запыхавшиеся, еле вползли в здание, нашли свою регистрационную стойку и... Как вы думаете, какая картина предстала нашим глазам? Там спокойно стояли невозмутимые, уже прошедшие регистрацию и сдавшие багаж Элгуджа Хинтибидзе и Роин Метревели. Нам оставалось только выпучить глаза от изумления. Что мы и сделали.

Вот такая она, наша старая гвардия.

Нина Шадури

«ТРУДНОСТИ? КОГДА ЖЕ ИХ НЕ БЫЛО!»

— Артем КОМАРОВ

Андро Енукидзе – режиссер, драматург, педагог. Окончил режиссерский факультет Тбилисского театрального института (мастерская Дмитрия Алексидзе и Темура Чхеидзе), декан факультета драмы. Ставил спектакли в Национальном театре имени Шота Руставели, Тбилисском русском театре им. А. Грибоедова, Тбилисском театре имени К. Марджанишвили, сотрудничает со многими театрами в Грузии и за рубежом. Обладатель многих престижных театральных призов и премий. Инициатор, организатор и руководитель масштабного международного проекта «Batumi International Theatre Festival». «Театр – это жизнь», – считает он. И мы поговорили – о театре и жизни.

– Андрей Владимирович, как формировалась грузинская театральная сцена? Как это происходило?

– У нас колоссальная традиция. Еще с античных времен существовали определенные зрелищные ритуалы. В сегодняшней театральной культуре – это театр масок. Если наши соседи, турки, занимались театром «Карагез», то грузины – такими зрелищами, как «Берикаоба», «Кееноба» и другими. Это род позднейшего итальянского «дель артэ», где каждая маска несла в себе определенный образ: доброго, злого, богатого, глупого человека и так далее... Были также определенные театральные действия, которые происходили во время пиршеств, на королевских мероприятиях. Такому театру, действительно, очень много лет, и это очень интересная театральная структура. Что касается профессионального грузинского театра, то его профессионализация пришла с русскими и итальянскими театральными влияниями. Уже во времена Российской империи Тбилисская опера заключила договор с итальянской Ла Скала. Договор обязывал итальянскую оперу играть в Тифлисе не позднее чем через три месяца после даты премьеры в Ла Скала. Известный деятель граф Воронцов, любивший театр, организовал русский театр в Грузии, внес таким образом свою заметную, важную лепту. Чуть позже наши просветители создали и профессиональный грузиноязычный театр. Конечно, можно наблюдать признаки профессионального театра и ранее, уже в XI-XII веках, но они были эпизодическими, потому что в те времена страна жила тяжелой жизнью, но потом, во времена грузинского Возрождения, они стали более заметными. Возрождение происходило здесь чуть раньше, чем в Италии. В трудные времена, когда Грузия либо теряла свою автономность и была сателлитом другой страны, либо пыталась в каком-то маленьком масштабе строить государственность – культурой тоже надо было заниматься. Без влияния культуры серьезные положительно-политические изменения в общественно-политической жизни социума, страны невозможны.

Репетиции начались: читка пьесы

– А что было позже, в XIX, XX веках?

– В это время Грузия постепенно становится театральной страной, лидером театральной отрасли. В советские времена она приобретает свое «лицо», театр формирует собственные узнаваемые качества. Театр Грузии становится популярным не только в СССР, но и в мире. Много российских и грузинских театральных режиссеров работали как здесь, так и в Москве. Невозможно обойти в разговоре о грузинском театре советских времен такую величину, как Котэ Марджанишвили. Это имя заслуженно стало знаковым как в Грузии, так и за ее пределами. Трудно не вспомнить фамилии Евгения Багратионовича Вахтангова, который был по происхождению армянином «грузинского разлива». . И, конечно же, великий Ахметели, который своим трудом создал новое измерение национального театра. Ахметели и Марджанишвили – самые знаковые фигуры в истории нашего театра, без упоминания которых невозможен серьезный разговор о грузинской театральной сцене.

– Советские режиссеры любили ставить свои спектакли в Грузии?

– О, да! Уже перед Второй мировой войной не только грузинские режиссеры работают в Москве, но и наоборот. Самый великий режиссер всех времен Всеволод Мейерхольд работал несколько сезонов в русском театре в Тбилиси. А во время войны Немирович-Данченко совмещает руководство МХАТом с работой на грузинской сцене. Такая знаковая фигура, как Георгий Александрович Товстоногов, который был коренным тбилисцем с улицы Плеханова, вместе с Евгением Алексеевичем Лебедевым начинали свой театральный путь с подмостков Тбилисского ТЮЗа. Георгий Александрович также был режиссером театра имени Грибоедова и педагогом Тбилисского театрального института. Потом он уезжает в Петербург и вызывает к себе Лебедева. Именно там они ставят известнейшие спектакли – «Холстомер», «Мещане» и другие. Так состоялся их выдающийся тандем. А началось все здесь, в Грузии.

– Что представляет собой грузинский театр в его современном виде?

– Это действительно очень интересный театр. Мне трудно вспомнить известного грузинского театрального режиссера, который выехав за рубеж, не

вернулся бы с призами... Какие-то черты грузинского театра очень привлекают Европу. Биографии Роберта Стура, Михаила Туманишвили, Темура Чхеидзе – яркое тому подтверждение. Недавно я, например, ставил чеховский «Вишневый сад» в Польше, в Жешувском театре имени Ванды Семашковой. И были очень интересные оценки моего театрального труда. Во-первых, он вошел в десятку лучших польских спектаклей 2021 года. Во-вторых, все говорили, что, дескать, ясно, что это Раневская, Гаев, Лопахин, но это все же какой-то грузинский «Вишневый сад». Они решили, что я внес в спектакль грузинский дух. Ну и слава Богу! Пусть так и будет. То есть европейцы каким-то образом наше театральное нутро в нас угадывают. И оно им очень импонирует. Нам, не скрою, очень приятно.

– Конечно, приятно быть и европейцами, и не терять свою национальную идентичность...

– Национальная идентичность у нас в крови, а что касается европеизации, то Грузия много раз испытывала на себе влияние других культур, стран и народов, сохраняя при этом свою идентичность. Мы умеем видеть хорошее в других и умело инкор-

Сцена из спектакля «Достоевский.ру»

порировать его в свою жизнь.

– У вас аристократическая фамилия. А что для вас значит быть грузином?

– Нет-нет, моя фамилия из столбовых дворян, до князя я не дотянул... Что для меня значит быть грузином? Попробовать любить мир, попытаться им восхищаться, даже тогда, когда особого повода для восхищения нет. Там, где грузин озабочен только проблемами дня сегодняшнего: политикой, экономикой, рутинной, я думаю, он перестает быть грузином. Надо искать и находить поводы наслаждаться жизнью! И не только сибаритствуя. Попытка написать свое стихотворение, попытка написать свою песню, попытка поставить свой спектакль – для творческого человека абсолютно естественна. И грузинское застолье – а это, помимо застолья как такового, еще и искусство – не могло прийти извне. И, получая удовольствие от мирозерцания, пытается создать нечто свое, авторское. Жизнь – всегда праздник. Это – шанс, подаренный нам Господом Богом, колоссальный подарок, который мы должны ощущать адекватно. Здорово, когда мы понимаем,

что жизнь – прекрасна! Несмотря ни на что...

– Хорошо ли финансируется сегодня театральная сфера?

– Финансовое состояние грузинского театра такое же, как и в целом по стране. Во сто крат лучше, чем в 90-е годы, когда царил тотальный хаос и упадок. Сегодня можно сказать, что грузинский театр живет, развивается, одерживает какие-то победы. Фонд «Карту» Бидзини Иванишвили еще в те годы, когда страной руководили Шеварднадзе или Саакашвили, занимался реновацией всех грузинских театральных зданий. Все началось с театра Руставели, который ремонтировало сначала государство, а уже потом – фонд «Карту». Батумский театр стал первым реконструированным театром за пределами столицы. Затем отремонтировали Озургетский театр, на данный момент ремонтируют армянский театр имени Адамяна в Тбилиси и театр им. Дадиани в Зугдиди. Кстати, реставрация Грибоедовского театра также финансировалась фондом «Карту». Одним словом, в Грузии, волею конкретного ме-

цената, удалось сохранить театр, за что фонду «Карту» и Бидзине Иванишвили отдельное огромное спасибо. Невозможно переоценить значение стипендий, которые меценат по доброй воле в течение многих лет выплачивал деятелям грузинской культуры. Людям удавалось выжить, причем достойно, так как все они занимались своим делом – творчеством. Тем временем и у государства дошли руки до реальной поддержки и финансирования отрасли. Так что жить, как говорится, можно и нужно! Ну а трудности? Господи, когда же их не было?!

– А как возник ваш личный интерес к театру?

– Во времена моей юности, когда в Грузии творило великое множество высокоодаренных деятелей театра, когда посещение хороших спектаклей являлось чем-то само собой разумеющимся, очень трудно было не поддаться желанию попробовать себя в этой сфере. В моей семье считалось необходимым получить хорошее образование. Родители любили читать, в доме было множество книг, которые попадали ко мне в руки, и я с

детства тяготел к гуманитарной сфере. Мы ходили на спектакли, в которых играли многие классики грузинской сцены. Я обожаю театральную обстановку и мечтал создавать атмосферу внутри театра своим посильным участием. Так и получилось. И я благодарен судьбе. В 1987 году я окончил театральный институт. Поставил более 80 спектаклей в Грузии, Польше, Румынии, России, Турции и других странах. Работал на Грузинском телевидении. С 2014 года имел честь руководить Батумским драматическим театром имени Ильи Чавчавадзе.

– Как вас в свое время приняла труппа театра имени Грибоедова?

– Это были великолепные годы. Театр Грибоедова – место, где творят мои друзья и по жизни, и по профессии. Мои творческие соратники. Я поставил там «Достоевский точка ру» по «Акулькиному мужу» Достоевского, «Мцыри» Лермонтова, «Вишневый сад» Чехова, «Избранник судьбы» Бернарда Шоу, «Принцесса и свинопас» по Андерсену и другие. Люблю вспоминать эти постановки, люблю людей, с которыми довелось над ними работать.

– Спектакли каких русских авторов идут сейчас на сцене Батумского драматического театра?

– «Чайка» Чехова. В этом году постановка удостоена премии за лучший спектакль года по Грузии. Я долго думал, стоит ли ставить эту пьесу, будет ли она сегодня актуальной? Между прочим, Треплев там говорит: «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно». Когда мы сыграли спектакль на сцене нашего театра, то услышали овации, увидели аншлаг, увидели искренне благодарного зрителя. В зале было много молодежи, что для меня, как художественного руководителя, особенно приятно. Следовательно, пьесы Чехова живут вне времени и политики. И это только подтверждает неписаное правило – в классике всегда можно подчеркнуть что-то новое, и это всегда выглядит свежо и интересно. Что касает-

После премьеры спектакля «Избранник судьбы»

С Гурандой Габуния

ся современных авторов, то мы ставили студенческий спектакль по пьесе талантливого русского драматурга и режиссера Василия Сигарева.

– В чем отличие драматического театра имени Чавчавадзе от других?

– Батумский театр – национальный. Спектакли идут на грузинском языке. Постановки по Чехову и Сигареву – это скорее, исключения из правил. У нас много пьес грузинских авторов, много совместных работ с поляками, румынами, литовцами, англичанами. До пандемии мы много гастролировали по Евро-

пе. У нас хорошая труппа, прекрасное здание, оснащенное современной аппаратурой. У театра есть свое «лицо», он легко узнаваем среди других.

– У вас есть идеи постановок новых спектаклей?

– Естественно, это моя работа, я – худрук театра и должен заботиться о репертуаре. В данный момент идут репетиции спектаклей «Мамаша Кураж» Брехта и «Пять свиданий» по пьесе грузинской писательницы и драматурга Тamar Бартаия.

– В чем, на ваш взгляд, феномен «великой русской

души», который пытались разгадать классики?

— В том, что это глубокая душа, сомнений у меня никаких нет. «Русскую душу» в советское время пытались идеологизировать. Также говорили, что «писатель — это инженер человеческих душ». По-моему, это не совсем верно. Русская душа такая же душа, как любая другая. В каждой нации есть свои гении. Россия подарила миру Пушкина, Чехова, Толстого, Достоевского. Англичане — Шекспира, Шеридана, Марло. Классики не в ответе за действия последующих поколений, которые их произведения не читали вовсе!

— У вас был отличный опыт постановки спектакля «Dostoevsky.ru», который заслуженно произвел много шума.

— Идея «Достоевского» пришла спонтанно. Мне предложили ставить «Записки из мертвого дома», романа, отношение к которому у меня довольно сложное. Я недолго думая взялся за инсценировку. Возникло название — Dostoevsky.ru. Возникла форма. Остальное — дело техники.

— Как-то в интервью вы сказали, что «время театрального Достоевского еще не пришло». А сейчас?

— Мы не наблюдаем сейчас какого-то театрального бума по Достоевскому, хотя то тут, то там его продолжают ставить. Его осмысление — это долгий, можно сказать, затяжной процесс, требующий глубокого понимания того, о чем писал великий автор. Мы помним с вами театральную эру Чехова. По логике вещей, эра Достоевского должна наступить.

— Чехов более понятен нам, сегодняшним?

— Я бы так не сказал. У Чехова своя эстетика, своя стилистика, у Достоевского — своя, иная. Два гения. Естественно, оба разные. Просто Чехов, когда над ним работаешь, хоть и коварен, но более уступчив, нежели Достоевский. Работа над Достоевским напоминает работу с античным сакральным текстом.

— Сегодня могут появиться писатели уровня Достоевского или Чехова?

— Нам посчастливилось быть современниками Борхеса и Маркеса, произведения которых стали классикой при жизни авторов. Талантливых людей всегда много. В любые времена. Пишут Бегбедер, Памук, Мураками. Так что вернемся к этому вопросу лет через пятьдесят. Время покажет...

— Как вы относитесь к тому, что на Западе сейчас запрещают русскую классику из-за событий на Украине?

— Такие «перегибы», увы, имеют место, но это делается не от большого ума. Плеяда Пушкина, Толстого, Чехова не сделала ничего плохого, порочащего Россию. Это когорта авторов, обогативших мировую культуру. Нужен здравый, взвешенный подход к репертуарам театров, в которых присутствует русская классика. Хотя, по горячим следам войны, эмоционально, мне вполне понятна такая острая реакция европейских театров.

— Какие задачи способен решить театр сегодня?

— Театр — это всегда инстру-

мент. Инструмент переделывания себя, окружающего мира. Сцена высвечивает твои личностные качества. В театре важны все: и зритель, и актеры. Актеры идут в театр показать свои мысли, переживания зрителю, зритель приходит в надежде получить для себя пищу для ума или просто развлечься, что само по себе далеко не грех.

— Каково будущее театра в Грузии и в Европе?

— Такие же, как и у жизни в целом. Ведь театр — это жизнь.

— Фаина Раневская говорила: «На сцене надо не играть, а жить». Так все-таки играть или жить?

— Сложный, обоюдоострый вопрос. Конечно, надо играть, но играть так, чтобы у зрителя создавалось впечатление жизни на сцене. Актер должен жить на сцене, играя. Любая игра должна учитывать какие-то жизненные принципы. Великая Раневская из-за каких-то своих личностных качеств не могла быть другой. Вот не могла, и все! Если бы вы спросили Михаила Чехова или Всеволода Мейерхольда: «Надо ли жить на сцене?», то они, я уверен, ответили бы, что на сцене надо дурака валять. И с этим тоже трудно поспорить. Не существует каких-либо четких рецептов. Такие активные личности, как Фаина Раневская, настолько самодостаточны, что им не надо было заниматься формой, они сами являются этой пресловутой формой. Театр — это структура, структура игры. Игра подразумевает условность, а условность подразумевает форму. Без формы театр неинтересен. Просто ты демонстрируешь зрителю на сцене кусочек из жизни. Должны быть и форма, и содержание. Нельзя декларировать, что я занимаюсь только формой или только содержанием. Это абсурдно! Конечно, если ты не такой великий артист, какой была Фаина Георгиевна Раневская.

— Какой совет вы дали бы человеку, который решил стать актером?

— Пусть хорошенько задумается еще раз.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

28 июля исполнилось 200 лет со дня рождения «последнего романтика» в русской литературе – Аполлона Григорьева (1822-1864).

Он известен в первую очередь как литературный критик, мемуарист, переводчик, автор популярных романсов (в том числе, «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная» и «Две гитары, зазвенев, жалобно заныли»).

Поэзию Григорьева первым по-настоящему оценил Александр Блок и пробудил к ней интерес. В 1916 году под редакцией Блока вышло собрание Григорьева из 150 стихотворений и поэм, с комментариями и биографическим очерком, в котором Блок сравнил поэта с героем Шекспира: «Не быть принцем московскому мещанину; но были все-таки в Григорьеве гамлетовские черты: он ничего не предал, ничему не изменил; он никого и ничего не увлек за собою, погибая; он отправил только собственную жизнь... Он был лишен власти».

Яков Полонский, знавший Григорьева со студенческих времен, предлагал их общему другу Александру Островскому: «Не попробуете ли вы когда-нибудь воссоздать этот образ в одном из ваших будущих произведений? Григорьев как личность, право, достоин кисти великого художника. К тому же это был чисто русский по своей природе – какой-то стихийный мыслитель, невозможный ни в одном западном государстве». Увы, Островский в своих пьесах Григорьева на сцену не вывел, но некоторые черты его характера и биографии И.С. Тургенев показал в Лаврецком, Ф.М. Достоевский – в Мите Карамазове, Л.Н. Толстой – в Федоре Протасове.

«Истинное значение Григорьева, – писал историк литературы Семен Венгеров, – в красоте его собственной духовной личности, в глубоко искреннем стремлении к безграничному и светлому идеалу. Сильнее всех рассуждений Григорьева действует обаяние его нравственного существа, представляющего собою истинно «органическое» проникновение лучшими началами высокого и возвышенного».

ДВА СОНЕТА

1

Привет тебе, последний луч денницы,
Дитя зари, – привет прощальный мой!
Чиста, как свет, легка, как божьи птицы,
Ты не сестра душе моей больной.

Душа моя в тебе искала жрицы
Святых страданий, воли роковой,
И в чудных грезах гордостью царицы
Твой детский лик сиял передо мной.

То был лишь сон... С насмешливой улыбкой
Отмечен в книге жизни новый лист
Еще одной печальною ошибкой...

Но я, дитя, перед тобою чист!
Я был жрецом, я был пророком бога,
И, жертва сам, страдал я слишком много,

2

О, помани, когда тебя обманет
Доверье снам и призракам крылатым
И по устах, невольной грустью сжатым,
Змея насмешки злобно виться станет!..

О, пусть тогда душа твоя помянет
Того, чьи речи буйством и развратом
Тебе звучали, пусть он старшим братом
Перед тобой, оправданный, восстанет.

О, помани... Он верит в оправданье,
Ему дано в твоём грядущем видеть,
И знает он, что ты поймешь страданье,

Что будешь ты, как он же, ненавидеть,
Хоть небеса к любви тебя создали, –
Что вспомнишь ты пророка в час печали.

1 декабря 1845

Кадр из фильма «Убийство»

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он был одним из спортсменов, первыми доказавших скептикам: борец — это не только груды мышц, но еще и интеллект. Он прославился за тысячи километров от берегов родного Риони и с борцовского ковра шагнул в киномир Голливуда. А великий режиссер Стэнли Кубрик считал этого человека, кутаисца Колю Квариани, не только своим партнером по шахматам, фильму, но и другом.

Коля, как звали его земляки, родился в 1903-м, в семье юриста Нестора Квариани. В 7 лет он видит на арене цирка состязание борцов и «заболевает» этим видом спорта. Как оказалось, на всю жизнь. Тем более, что за примером для подражания ходить далеко не надо. Отец-юрист унаследовал от своего отца, деда мальчика, не только традиционно интеллигентскую любовь к шахматам, но и неплохие борцовские навыки. Учился Коля в прославившейся своими выпускниками Кутаисской классической гимназии, и его одно-

кашник, народный артист СССР Акакий Васадзе, вспоминал, как различные специальные системы тренировок сделали из парня спортсмена.

«Дидтановани» («Больше-тельный») называл Квариани его гимназический друг Мераб Кви-ташвили, эмигрировавший в Европу и ставший членом британской делегации на Тегеранской конференции 1943 года. А Коля, несмотря на свою крупную комплекцию, отличался и в «водных видах спорта». Быстрее всех соперников переплывал сложный участок Риони, и это место прозвали «Кварианис чкери» («Поток Квариани»). А еще он прыгал в эту реку с крыши прибрежной бани...

В 1917 году он уже в Тифлисе — занимается у французского тренера по борьбе Джо Моро и затем уходит в профессиональную борьбу. То был особый, любимый всеми вид, как сказали бы сейчас, «индустрии развлечений». Тысячи людей стремились к цирковым аренам так же, как сейчас рвутся к футбольным. В борьбе, привлекавшей их, нельзя было хватать соперника ниже

пояса, а называлась она французской. С годами ее переименовали в классическую, а ныне именуют греко-римской.

По Российской империи, а потом и по СССР 1920-х годов колесили труппы профессиональных борцов, каждый из которых имел громкий титул чемпиона мира, Европы, Азии, страны, крупного города. И еще имел амплу: «злой», «простодушный», «жестокый», «благородный», «хитрец», «добряк». Объявляли их как представителей различных государств. В этой среде и проходила жизнь молодого кутаисца.

Достаточно посмотреть на афишу 1925 года: «11 и 12 марта. Тверской государственный цирк. Грандиозное открытие большого международного чемпионата французской борьбы, устроенного для профессиональных борцов всех стран». После перечисления призов — перечень «лучших первоклассных борцов и чемпионов мира». Первый в нем — «Н. Квариани, чемпион мира и гордость Кавказа, неоднократно премирован за красоту».

Николоз Квариани

И какие же примечательные характеристики у его конкурентов! «Ермак – чемпион Сибири, Бурхан – чемпион Туркестана, Зауэр – чемпион города Риги,

Иван Поддубный

Григорий Рощин – чемпион мира, участник Московского чемпионата 1924 г., Де-Кравец – чемпион Европы, бывший в Твери, «Черная маска» в 1924 г., Дядя Леший – чемпион Дальнего Востока, вес 10 пудов, 11 фунтов, Громобой – русский богатырь, убивший ударом кулака быка...»

А за год до этого турнира Квариани встречается с одним из самых выдающихся профессиональных борцов мира Иваном Поддубным. И на всю жизнь запоминает эту печально закончившуюся для него встречу. Историк атлетики и силовых видов спорта Виктор Подрезов в книге «Сила титанов» пишет: «Премьер Харьковского чемпионата 1924 года Коля Квариани... двадцатилетний красавец афишировался как «чемпион мира, Мацист Кавказа, Тифлисский студент». Борец был прекрасный, фигура гармоничной красоты, очень сильный, очень ловкий и гибкий...»

Приятная характеристика, но что это за «Мацист»? А ведь мы встречали это имя в... «12

стульях». Про Кису Воробьянинова там написано: «Ипполита Матвеевича за большой рост, а особенно за усы, прозвали в учреждении Мацистом, хотя у настоящего Мациста никаких усов не было». Это – имя древнеримского раба из цикла фильмов 1914-1926 годов, сыгранного звездой итальянского немого кино Бартоломео Пагано. Картины были столь популярны, что имя Мациста стало нарицательным, и в 1920-х годах, произнося его, люди сразу представляли себе мускулистого красавца.

Но вернемся в Харьков 1924 года: «...Наконец чемпионат подошел к концу. Лихо бросал своих соперников красавчик Квариани и уверенно раскладывал всех Иван Максимович... Финальная схватка: Квариани – Поддубный». Дальше – слово одному из лучших гимнастов страны, неоднократно чемпиону по тяжелой атлетике Александру Шираю, ставшему цирковым артистом и видевошедшему тот финал. Через много лет, в 1960-м он вспоминал на страницах газеты «Советский спорт»:

Реклама выступлений Квариани в России

«Квариани самонадеянно, «как орел» налетел на Поддубного. Он действительно был уверен в себе, но столкнулся как бы с каменной горой. Спустя полминуты он понял, что такое знаменитый «старик» и старался уйти от поражения. Поддубный уже не был неповоротливым медведем. Раз! Два! Три! Как неопытного мальчишку сбивал он Квариани с ног, даже не стараясь его класть. Премьер начал удирать от Поддубного за ковер, хватался за барьер. Квариани был ловок как кошка, но только кошка попала в лапы тигра... Арбитр лишь понимающе улыбнулся: «Батяка давал урок»...

Это действительно был хороший урок для молодого боксера, неслучайно он становится одним из учеников Поддубного. И именно благодаря ему попадает в... Америку. Дело в том, что Поддубный в конце 1925 года отправился в полугодовое турне по США, победил лучших тамошних борцов и проиграл лишь одну схватку – непобедимому Джо Стечеру, который был на 22 года младше него. Но и после этого ему присвоили титул «Чемпион Америки».

После возвращения Под-

дубного на родину, американцы доказывают, что не забыли его – присылают «шеф-карту». Это пакет документов, среди которых – и предложение получить 65 процентов со сборов от турне по Штатам. Ветеран отказывается от столь заманчивого предложения и поочередно предлагает «шеф-карту» двум своим ученикам. А после их отказа коммен-

тирует: «К такому туловищу, да еще бы голову!»

«Правильная» голова оказывается у «Мациста Кавказа». Он принимает у учителя пакет документов и отправляется за океан. Говорят, что разрешение на выезд «для пропаганды достижений советского спорта» ему дал сам «лучший друг физкультурников» товарищ Сталин. Сообще-

Автограф Квариани

Кола Квариани, режиссер Стэнли Кубрик и исполнитель главной роли в «Убийстве» Стерлинг Хэйден

ния между СССР и США тогда еще не было, и борцу пришлось сначала отправиться в Европу.

Там – серия выступлений, во время которых рождаются псевдонимы Николас или Кола Квариани, Ник Борец. В Лондоне – встреча с гимназическим другом Мерабом Квиташвили, живущим там с 1919 года. А в Париже – конфликт с газетой «Пари Суар», сообщившей: «Нашу национальную гордость Анри Деглана поверг грубый казах Николоз Квариани». В ответ кутаисец так «наезжает» на редакцию, что ей приходится извиняться, подчеркивая: «Квариани – грузин, а не казах». Кстати, поверженный им Деглан ни больше ни меньше – олимпийский чемпион 1924 года, а его схватка с Квариани осталась запечатленной в кинохронике.

Но наступает октябрь 1928-го, и с теплохода «Волендам», прибывшего из голландского Роттердама, на нью-йоркский причал сходит Кола Квариани. Он приехал покорять Америку.

И, прямо скажем, это ему удается. Он провел 556 матчей и большинство выиграл, что принесло ему неплохие суммы. Только победой над четырехкратным чемпионом мира в тяжелом весе Эдом «Душителем» Льюисом он заработал 200 000 долларов.

Выигрышным оказывается даже проигрыш в 1933 году «золотому греку» Джиму Лондосу. Правда, не в материальном, а в моральном плане. Поединок проходит на старейшем в мире Панафинейском стадионе в греческой столице. Его организует спортклуб «Паниониос», который возрожден в Афинах беженцами после захвата турками во второй половине 1910-х Малой Азии и резни в городе Смирна, превращенном в Измир. Цель поединка, собравшего свыше 100 000 человек, – оказать финансовую поддержку для сооружения стадиона в афинском квартале Новая Смирна. И Квариани заслуженно получает славу человека, участвующего в благородном деле.

А через год колоритный образ мощного гиганта уже используется в кино. Квариани снимается в небольшой роли, но со звездой французского кинематографа Жаком Тати в картине «Требуется зверь», поставленной по сценарию этого выдающегося комедиографа. Образ, созданный борцом, ему близок, он играет борца-чемпиона «Татарина» Кротова. В 1940 году Кола уходит из спортивной борьбы. Подобно большинству американских коллег – в реслинг, особый вид развлечений на основе борьбы.

Как и в некоторых поединках цирковой борьбы в России начала XX века, результаты в нем планируются заранее. Но там это происходило далеко не всегда, а в реслинге стало законом жанра. А до оговоренного результата рестлеры кидают, душат и стискивают соперника в полную силу, так что получить травму в такой постановочной схватке – раз плюнуть. Популярный в массах реслинг приносит огромные доходы, и соответ-

Съемочная группа фильма «Убийство»

ка, «блошиный рынок»).

Именно там он встречает 26-летнего кинорежиссера, кинооператора и фотографа Стэнли Кубрика. Тому еще только предстоит снять знаковые картины «Спартак», «Лолита», «Космическая одиссея 2001 года», «Заводной апельсин», «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу»... И стать многократным обладателем «Оскара» и других престижных премий, одним из самых влиятельных кинематографистов второй половины XX века. А тогда он работает над сценарием фильма «Убийство».

Встречи за черно-белой доской превращают знакомство завязанных шахматистов в дружбу. И когда Кубрику понадобился актер в сцену драки, отвлекающей охрану ипподрома от ограбления тотализатора, режиссер понимает: лучше друга Кола ему никого не найти. Так кутаисец становится киношным русским бандитом Морисом Обуховым. А сыгранная им сцена схватки с несколькими охранниками признана самой динамичной в фильме.

Именно с этой картины и идет в американском кинематографе традиция изображать русских гангстеров лысыми и очень сильными. В кинокругах фильм принят очень хорошо: авторитетнейший кинокритик Джонатан Розенбаум считает, что из всего фильмов Кубрика этот – «наиболее совершенно продуманный и исполненный», а режиссеры-классики Орсон Уэллс и Бернардо Бертолуччи дали «Убийству»

высшие оценки. И Квариани очень гордился, что внес сильную лепту в успех друга. А в 1977-м его имя – среди первых в титрах телефильма «Нанетт: в сторону». Он снова играет спортсмена.

Уйдя в 46 лет из стремительно молодеющих рядов рестлеров, Кола занимается тренерской работой и организацией поединков. Самый успешный его проект – аргентинский борец Антонио Рокка, «украденный» в Хьюстоне и появившийся в Нью-Йорке. Под руководством Квариани он устанавливает рекорд

Слева – Антонио Рокка, в центре – Кола Квариани

ственно рестлеры хорошо оплачиваются.

На ринг реслинга Кола выходит около десяти лет, проводит немало эффектных поединков. Особенно запоминается зрителям схватка с «Мистером Америка» Эженом Стэнли, который со временем стал тренером по физподготовке Тома Круза, Тома Хэнкса и других кинозвезд. Грузинского борца можно снова увидеть на экране – в 1952-м он играет русского рестлера в короткометражке «Мир спорта» киностудии «Коламбия пикчерс».

А журнал «Чесс ревью» с восторгом подчеркивает: Квариани – единственный в США профессиональный борец, играющий в шахматы. В 1950-х годах он – уже постоянный член знаменитого клуба, официально именованного «Нью-Йоркской академией шахмат и шашек», а в народе – «Блошиным домом» (когда-то рядом была барахол-

Кадр из фильма «Убийство»

посещаемости реслинга в зале Мэдисон-Сквер-Гарден, собрав 21 950 зрителей. А еще Кола три года работает с самым популярным американским рестлером 1960-70-х годов Бруно Саммарино.

Вне борцовского ковра он помогает всем, кому может, в первую очередь – в Грузинской общине, основанной в Америке в 1931 году. На всех ее собраниях и мероприятиях он неизменно появляется в чохе, с серебряным поясом, подаренным ему северокавказскими друзьями. Один из участников тех собраний Александр Сулханишвили вспоминал: «Когда мы говорили о Кутаиси, его лицо сияло. Он мечтал подарить Кутаиси прекрасную библиотеку и отличную коллекцию картин. А еще хотел, чтобы его прах был развеян над улицами этого города».

Нечто подобное вспоминали и друзья его детства писатель Акакий Белиашвили и режиссер Николоз Папинашвили. Во время поездки в Америку в 1960-м году они побывали у Колы в городке Шотландия штата Нью-Йорк: «Когда мы стали вспоминать Кутаиси, этот шестидесятилетний мужчина вдруг превратился в восемнадцатилетнего. Будто он лишь вчера приехал из Кутаиси, и не было десятилетий, которые он провел в скитаниях за грани-

цей. Он до сих пор живет в своей мечте о Кутаиси».

Осуществить мечту о встрече с родным городом Квариани не удастся. В феврале 1980-го он схватился сразу с пятью хулиганами. И не на ринге, а у входа в любимый клуб «Шахматы и шашки». Слово – шахматисту и издателю Сэмюэлу Слоану: «Как-то вечером Ник подошел к подъезду нижнего этажа, откуда выходили чернокожие парни. Они столкнулись друг с другом, завязалась перепалка. Ник никогда не прощал оскорблений и сразу начал драку с ними всеми...»

Он мог легко справиться с одним-двумя, но их было пятеро. А ему было 77 лет. Жестоко из-

КОЛА КВАРИАНИ В КАЛИФОРНИИ
 Русский борец Кола Квариани, ученик Фр. Поддубного, приехал 4 месяца назад из Парика, уже положил на лопатки многих борцов и восточных штатах. Теперь он укладывает калифорнийских борцов, мечтая о встрече с чемпионом мира Джимом Лондосом. К. Квариани, между прочим, — хороший шахматист.
 June 21, 1939

битого, его увезла «скорая помощи». Спасти его в больнице не удалось... Зал славы WWF – Всемирной федерации реслинга открылся лишь через одиннадцать лет после этого, так что имени Квариани в нем нет.

Но оно осталось в истории американской профессиональной борьбы, и им гордятся кутаисцы. Они отыскивали в Штатах могилу земляка и собираются перевезти его прах на родину. Где уже есть улица Колы Квариани. Пересекающаяся с той, что носит имя его однокашника, актера и режиссера Акакия Вацадзе.

Янка Купала

ГЕНАЦВАЛЕ

■ Светлана СИНАТАШВИЛИ

Музы... У Данте Алигьери была Беатриче. У Петрарки – Лаура. У Эдгара По – Вирджиния. У Тургенева – Полина Виардо. У Владимира Маяковского – Лиля Брик...

Была своя Муза и у Янки Купалы, классика белорусской литературы, драматурга, публициста, академика Национальной академии Беларуси и Академии наук Украины, поднявшего белорусское художественное слово на небывалую высоту, творчество которого сравнивают с лучшими образцами мировой литературы. В этом году испол-

няется 140 лет со дня его рождения.

Грузия для Янки Купалы – особенная страница книги его жизни. Тут поэт не только встречался с коллегами – писателями и поэтами, лечился в санатории и путешествовал по стране, но и встретил ее – Элико Метехели. Она и стала его Музой...

История эта началась в 1937 году в Цхалтубо – городе, который оставил большой след в жизни и творчестве Песняра. Тут он написал одни из своих самых теплых поэтических строк...

Цхалтубо – настоящий ку-

рортный город, всесоюзная здравница. В то время в Цхалтубо было 22 санатория, которые работали в полную силу летом и зимой. Эти санатории сейчас закрыты, некоторые восстанавливаются. Но и закрытые они могут рассказать о былой мощи знаменитой курортной индустрии Цхалтубо. Без преувеличения можно сказать, что они величественны и роскошны. Все красиво по-своему, и ни один не похож на другой. Об их архитектуре можно говорить бесконечно.

В Цхалтубо приезжали и простые трудящиеся по профсоюзным путевкам, и элита СССР, и государственные служащие, и представители интеллигенции, желающие поправить свое здоровье. 160 000 человек в год посещало Цхалтубо официально, по путевкам, и почти столько же приезжало по собственной инициативе и проживало в частном секторе. Целебные родоновые источники Цхалтубо известны во всем мире, они лечат 74 заболевания и являются уникальным явлением природы. И.В. Сталин был в Цхалтубо дважды. Шестой источник, который в свое время построили специально для вождя, до сих пор так и называют – «сталинский». В Цхалтубо отдыхали и лечились космонавты, шахматисты Анатолий Карпов, Нона Гаприндашвили, Майя Чибурданидзе, танцовщики Вахтанг Чабукиани, Марис Лиєпа, Михаил Лавровский и многие другие. Галактион Табидзе здесь написал свое знаменитое стихотворение «Из Цхалтубо в Кутаиси улетевший ветерок...».

55-летний Янка Купала приехал из Кисловодска в Тбилиси на пленум Президиума советских поэтов и писателей, посвященный 750-летней годовщине поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». После пленума всех гостей пригласили на отдых в разные регионы республики. Поэт Александр Шанидзе взял в свою «группу» Янку Купалу, Алексея Новикова-Прибоя, Якуба Коласа и привез их в Цхалтубо. У Купалы были небольшие проблемы с суставами, вот Шанидзе и посоветовал ему подлечиться на знаменитом курорте. Именно тут белорус-

ский песнярь и встретил 26-летнюю Элико, Елену Михайловну Метехели, заместителя главного врача курорта.

Элико Метехели не была писаной красавицей, но имела чудесный голос и прекрасно пела. «Янка Купала очень сблизился с нами, – вспоминала Элико. – Он особенно радовался и веселился, когда я шутила и острила. Когда я, по просьбе Янки, рассказывала что-нибудь из прошлого Грузии, он очень внимательно и сосредоточенно слушал. Помню, однажды вечером мы с друзьями-врачами сидели в саду. Была чудесная, теплая погода. Тина Вардосанидзе, которая сидела со мной рядом, наклонилась и шепнула – вспомним старину, споем что-нибудь. Немедля я запела старинную грузинскую, мою любимую песню «Иавнана». Янка Купала от этой песни был в восторге. Две строчки из этой песни: «Даидзине, генацвалос шени мшобелио» – русскими буквами записал в свою записную книжку и потом, когда он бывал в хорошем настроении, часто повторял эти строчки по-грузински наизусть».

Шанидзе возил поэта в разные уголки Грузии. Они побывали в Кутаиси, Мцхета и других живописных местах. Однажды белорус спросил, что означает грузинское слово «генацвале», как оно переводится? Шанидзе ответил, что точного перевода нет, слово объемное по значению, им можно назвать кого-то очень любимого – и женщину, и мать, и ребенка, к которым ты относишься трепетно, с душой, и готов принять на себя все невзгоды этого человека. «Если так обратиться к нашей молодой грузинке, то она вас обязательно полюбит», – уточнил Шанидзе. Купала ответил: «Значит, моя генацвале живет в Цхалтубо».

В тот же день он, вернувшись в Цхалтубо, вручил Элико Метехели стихотворение «Генацвале».

Эта рукопись теперь хранится в Государственном литературном музее имени Янки Купалы в Минске. А стихотворение было переведено на грузинский язык, слова положены на музыку, и эта песня часто звучала по грузинскому радио.

Достоверно известно, что ноты песни «Генацвале» публиковались в 1947 и 1949 годах. А была ли эта песня издана на грампластинке или записана на радио, по-прежнему загадка. И по сей день филофонистам неизвестна пластинка с песней «Генацвале». Но в начале XXI века молодой композитор Роман Козырев написал новую музыку на стихи Янки Купалы «Генацвале», и песню спел белорусский Государственный ансамбль «Песняры». Автору этих строк удалось найти эту запись на сайте «Песняров». Прослушала с удовольствием, была очарована и околдована. Необычно звучание белорусских слов и грузинского «генацвале» в одном тексте. Необычно, но как органично и завораживающе! Ведь сочетать несочетаемое под силу только любви.

А вот перевод этого признания в любви на русский язык.

Снег белеет на вершинах.
Льды на скалах засверкали,
Но цветы цветут в долинах,
Вся в цветах ты, генацвале.
Было любо мне в Цхалтубо,
Воды теплые ласкали,
Как любил я, как голубил
Тебя в думах, генацвале!
Ой, уеду я далеко,
Сердце жмет рука печали,
Будет грустно, одиноко
Без тебя мне, генацвале.
Будет сниться край прекрасный,
Грузии чудесной дали.
Ты, – звездой далекой, ясной,
Будешь сниться, генацвале,
Элико, очарованье!
Звезды грустно нам мерцали.
«Сулико» мне на прощанье
Спой, грузинка, генацвале!

Начиная с 1937 года, Янка Купала практически каждый год бывал в Грузии: лечился на курортах Цхалтубо и Сухуми, приезжал в Тбилиси, посещал Мцхету, Кутаиси, знакомился с

Янка Купала, Элико Метехели с друзьями в Цхалтубо

Янка Купала и Якуб Колас.
Цхалтубо, 1939 год

древними архитектурными памятниками, наблюдал праздничные обряды в грузинских селах... И, конечно, непременно виделся со своей музой. А в остальное время они переписывались...

Будете в Цхалтубо – непременно загляните в гостевой дом Art House Kutateli. Очаровательная хозяйка этого дома Марина Подгурская-Кутателадзе всегда готова поговорить о белорусском поэте и его грузинской музе. В доме есть белорусский уголок. Вместе с сотрудниками музея и менеджером Ией Кухалашвили, благодаря активной помощи Тамты и Пикрии Вардосанидзе и Нино Кучава в июне 2016 года Марина организовала выставку «Грузия, дружная с солнцем страна», посвященную белорусскому классику, на которой присутствовала директор Государственного литературного музея имени Янки Купалы Елена Ляшковиц. На выставку приехали внуки Элико Метехели, которые живут в Тбилиси – Кети и Гиви Курашвили. «В

бабушкином доме было много книг Янки Купалы, даже с его автографами. Мы с самого детства считали его очень близким нам человеком, он всегда как будто был с нами, просто было чувство, что он ненадолго вышел и вот – вот вернется...», – рассказывал внук. Приятно, что выставка прошла именно в Цхалтубо – в городе, который так любил белорусский поэт, с которым у него было связано так много приятных воспоминаний.

На выставку приехала и подруга Элико – Евгения Николаевна Амаглобели, грузинская поэтесса. Несмотря на свои 92 года, она без устали аплодировала и комментировала все происходящее, как будто мысленно снова вернулась в дни своей юности. Она рассказала о красивой любви великого белорусского поэта и грузинской девушки. «Понимаете, – сказала она, – он был поэт. И я – поэт. И я знаю, что значит для поэта Муза. Элико была его Музой – это я вам точно говорю».

А в 2017 году, в честь 135-ле-

Янка Купала – родной и близкий человек. Квартиру своей бабушки они сохранили как своеобразный семейный музей. Ее можно посетить, увидеть фотографии, удостоверяющие этот трогательный платонический белорусско-грузинский роман. Гиви Курашвили часто цитирует белорусам стихи о Цхалтубо:

Было любя мне у Цхалтуба,
У жыватворнай цеплай цхалі,
Была любя, як галубіу
Цябе у думках, Генацвале.

А сябры удивляются: какая хорошая рифма, сам придумал?

Гиви вспоминает: «Когда я был маленьким, женщины в семье рассказывали, что Янка Купала посвятил моей бабушке стихотворение, потому что любил ее. Сначала я, естественно, не понимал, о ком речь. А когда вырос и познакомился с творчеством Янки Купалы, понял, что он – выдающийся поэт. Классик. И его стихи – это действительно прекрасная поэзия. Я горжусь своей бабушкой».

Елена Ляшкевич, директор Государственного литературного музея им. Янки Купалы, Марина Подгурская-Кутателадзе, Лела Курашвили, внучка Элико Метехели, Тамта Вардосанидзе

тия со дня рождения Янки Купалы, состоялась еще одна выставка. На этот раз – в Багдади, в доме-музее В.В. Маяковского.

Внуки Элико (а их у нее трое) – грузины, родились и выросли в Тбилиси, но прекрасно владеют белорусским языком. Для них

Первые упоминания о музах, как известно, встречаются в древнегреческих мифах. Музу эпической поэзии звали Каллиопа. А в нашей истории ее зовут Элико Метехели, и она – грузинская Муза белорусского песняра.

Карина Кения

В ПОТОКЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ

Когда актриса Карина Кения (кстати, ученица режиссера и педагога Гайоза Жордания) выходит на сцену Грибоедовского театра в роли эгоистичной матери в спектакле «Аллеи любви» по рассказам Ивана Бунина (режиссер Авто Варсимашвили), зрители всегда реагируют очень живо, зачастую аплодисментами – настолько точна актриса в каждой детали, настолько разительна в своем остром рисунке.

Карина прекрасно владеет приемами гротеска, и в этом очень органична. Давно уже нет в репертуаре театра спектакля «Жизнь прекрасна» по произведениям А. Чехова (режиссер А. Варсимашвили), в котором актриса сыграла девицу в монологе «Из дневника девицы», но зрители до сих пор помнят ее нелепую, жеманную, в чем-то несчастную, одинокую особу, строившую воздушные замки и в итоге оставшуюся у разбитого корыта. «Девица» принимает за ухажера молодого человека, который на деле оказывается растратчиком казенных денег. И нужно было видеть, КАК Карина Кения показывала крушение надежд своей глуповатой барышни, у которой на уме одни кавалеры да замужество...

С Чеховым актриса «дружит», потому ей так удалась и роль Шарлотты в спектакле «Вишневый сад» в постановке Гоги Кавтарадзе. Героиня Карины Кения – этакая эмансипе: умна, иронична, элегантна, внутренне абсолютно независима и тоже очень одинока – но совсем не так, как смешная героиня из чеховского рассказа. Шарлотта Карины видит всех насквозь и давно не строит никаких замков на песке.

Вспоминаются ее небольшие яркие зарисовки в спектакле «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, в которых актриса существует в жанре обличительной сатиры. Были в творче-

стве Карины и сугубо драматические роли, без оттенка характерности – та же Кетино в спектакле «Всего лишь раз, и то во сне» Ш. Шаманадзе в постановке Давида Цискаришвили. Запомнился пронзительный образ бунтующей Клариссы, созданный Кариной в экспериментальной постановке Валерия Харютченко «Заплыв по реке забвения» по повести «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдли. Не забыты колоритные персонажи из «Ямы» по А. Куприну (режиссер Г. Кавтарадзе). В этих работах актриса была интересна, своеобразна, притягательна. Мы уж не говорим о многочисленных обаятельных сказочных персонажах Карины – изображая их, она отрывается по полной, купается в потоке театральности.

Большую популярность актрисе принесло участие в известном телесериале «Подружки моей жены». Вот поистине – проснулась знаменитой! И какие только комплименты не пишут в комментариях зрители, отмечая живой, легкий талант Карины Кения.

И все-таки главную свою роль она еще не сыграла, и встреча с интересным материалом, ярким образом у нее, несомненно, впереди.

От души поздравляем Карину с круглой датой и желаем счастья!

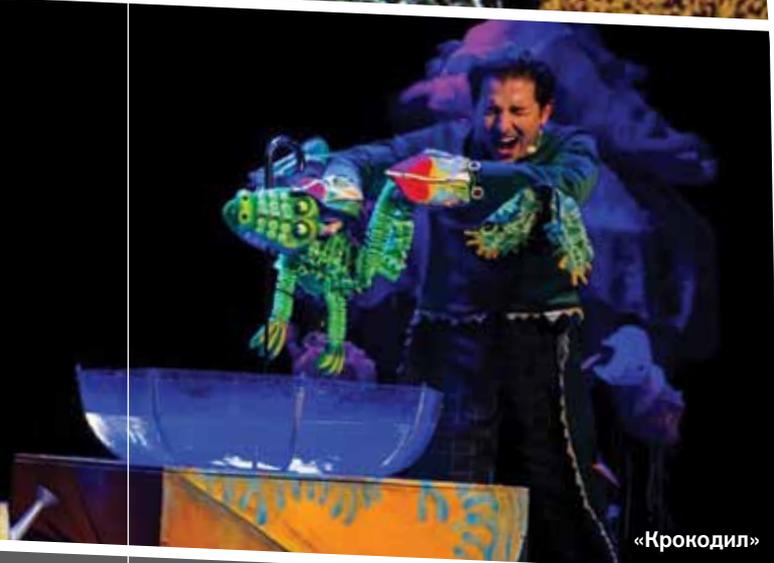
ФЕСТИВАЛЬ

«Смешные человечки»

«Сны Гамлета»

«Крокодил»

«Я люблю и любима!»

«АРММОНО» — ПРОСТРАНСТВО ТАЛАНТА И ЛЮБВИ

■ **Нина ШАДУРИ**

И все-таки, несмотря и вопреки, в современной театральной жизни продолжают случаться самые настоящие праздники.

Недавно в Ереване прошел юбилейный XX Международный театральный фестиваль «Арммоно», который доставил много творческой радости и самим участникам, и многочисленным зрителям — как знатокам и ценителям жанра монодрамы, так и широкому кругу любителей театра.

Напомним, первый фестиваль «Арммоно» открылся 24 сентября 2003 года. Его инициатором и организатором стал председатель Союза театраль-

ных деятелей Армении Акоп Казанчян. В 2008 году он передал бразды правления известной актрисе, лауреату высшей театральной премии Армении «Артавазд» Марианне Мхитарян. С тех пор она — неизменный директор фестиваля. Марианне Артемовне удалось самое важное: под ее руководством «Арммоно» завоевал и прочно удерживает статус одной из самых интересных фестивальных площадок нынешнего театрального пространства. Более того, по своему профессиональному уровню — это, конечно, пространство таланта. А по теплой атмосфере светлого человече-

ского общения — пространство любви.

За 20 лет существования «Арммоно» и не забронзовел, и не забуксовал, и не вышел в тираж. Напротив, фестиваль шел вперед, расширял творческие рамки и географические границы, открывал новые имена, развивался, становился все интереснее. Рождались и расцветали новые программы — «Арммоно-Триумф», «Арммоно-Дебют», «Арммоно-Опера», «Арммоно-Класс», «Арммоно-Танец», «Арммоно-Сказка»... И юбилейный «Арммоно» предстал, можно сказать, во всем своем жанровом разнообразии

и стилистическом многоцветье.

В этом году в фестивальной программе были представлены 27 моноспектаклей из девяти стран – Албании, Армении, Греции, Грузии, Литвы, Польши, России, Узбекистана и Украины.

В первый день, еще до церемонии открытия, были показаны два спектакля, уже известных публике, завоевавших уважение профессионалов и зрительскую любовь.

Наринэ Григорян представила свою интерпретацию рассказа Гранта Матевосяна «Буйволица». Не могу не добавить, что мне уже выпадала радость видеть на сцене эту выдающуюся артистку – спектакль «Моя семья в моем чемодане» по сей день остается очень сильным театральным переживанием, которое я когда-либо испытывала.

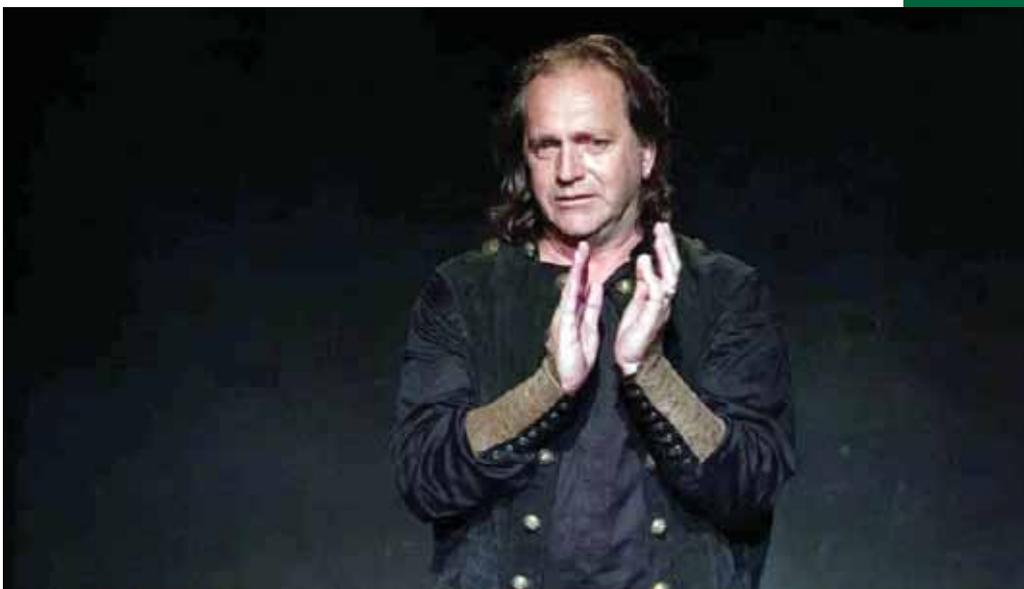
В свое время Давид Матевосян, сын выдающегося писателя и директор Фонда Гранта Матевосяна, предложил Наринэ инсценировать, поставить и сыграть именно «Буйволицу». Актриса с радостью согласилась, а «Армоно» выступил в качестве продюсера. И родился спектакль-триумфатор. Он участвовал в фестивале уже в третий раз и снова произвел сокрушительное впечатление – страстью и неистовством, нежностью и пронзительной тонкостью.

«Ромео и Джульетта, или Маргарита и Абульфаз» по книге лауреата Нобелевской премии Светланы Алексиевич «Время секунд хэнд» – не менее знаменитый моноспектакль в постановке и исполнении одной из самых известных актрис в жанре монодрамы Елены Дудич (Украина). Это история любви армянской «Джульетты» и азербайджанского «Ромео» во время страшных событий конца 1980-х – начала 1990-х годов в Азербайджане и Армении. Зрители единодушно называют постановку «спектаклем-потрясением». Добавим, что за «Ромео и Джульетту...» актриса получила Первую премию на X Международном фестивале монодрамы «Теспис» в Германии.

Спектаклем открытия стала моноопера Франсиса Пуленка «Человеческий голос» по мотивам одноименной пьесы Жана

Матеуш Новак в спектакле «Жертва»

Ментор Зимберай

Кокто с участием меццо-сопрано Варсеник Аванян, солистки Национального академического театра оперы и балета имени Александра Спендиаряна. Между прочим, моноопера была написана специально для Марии Каллас, и мы по достоинству оценили не только профессиональный уровень исполнительницы, но и ее творческое бесстрашие.

Монодрама «Сны Гамлета» была показана в двух сценических версиях. Первым на нынешнем фестивале популярную пьесу Нины Мазур исполнил Армен Кушкян, актер армянского театра (отметим, на безупречном русском языке), в четкой и властной постановке художественного руководителя Ванадзорского театра им. Ованеса Абеяна Ваге Шахвердяна. Затем мы имели возможность

увидеть трактовку Ментора Зимберая из Приштины – на албанском языке. Критики уже успели назвать работу Зимберая «абсолютным попаданием в образ человека, который ведет свой мучительный разговор с теми, кто был ему дорог, и раз за разом переживает свою драму». У нас была возможность убедиться в точности этой оценки.

Нельзя не отметить спектакль «Смешные человечки» по фантастическому рассказу Ф. Достоевского «Сон смешного человека», независимый проект актера Александра Аладышева. Создатели спектакля, оперируя самыми современными сценическими приемами и образами, обращаются к важнейшим вопросам человеческого бытия и духа: утрата жизненных ценно-

Ирина Мегвинетуцеси в моноспектакле «Ангелова кукла»

стей, духовная нищета, пути преодоления душевного кризиса, осознание смысла существования. Вообще, мы давно и с большим интересом наблюдаем за деятельностью А. Аладышева, который неизменно поражает новыми театральными находками и открытиями. Скажу одно: год от года

Ирина Мегвинетуцеси и Левон Узунян

Нина Шадури, Ирина Мегвинетуцеси, Темури Сухишвили в СТД Армении

результаты его творческих дерзаний становятся все интереснее и интереснее!

В спектакле «Мой отец» актер и режиссер Каунасского камерного театра Александрас Рубиновас сыграл-рассказал историю своего отца – литовского режиссера Станисловаса Рубиноваса. В начале июля 1941 года в Панеряй, недалеко от Вильнюса, расстреляли отца Станисловаса, а они с матерью, не подчинившись приказу поселиться в гетто, три года скрывались в лесах Западной Белоруссии... Это тот самый случай, когда словосочетание «традиционный театр» обретает свой истинный высокий смысл, и поневоле вспоминаются слова великого Акакия Васадзе: «Расстелю на улице ковер и буду играть!» Да, именно так – актер и ковер. Актер – такой, какой он есть, во

Маис Мхитарян и Ирина Мегвинетухцеси

всем своим великолепием и профессионализмом, без прикрас и фокусов.

Моноспектакль «Жертва» Матеуша Новака (Польша) поставлен на основе воспоминаний Петра Возняка, фрагментов эпической поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» и стихотворения «Снилась зима». «Жертва» возвращает нас к временам сталинских репрессий в Польше. Надо отметить, что за свои моноспектакли Матеуш Новак получил около двадцати призов в Польше и по всему миру. Актер награжден Бронзовым крестом за заслуги и Почетным знаком за вклад в развитие польской культуры.

Особого упоминания заслуживает невероятно заразительный и очень обаятельный интерактивный кукольный моноспектакль Агаси Мелконяна «Крокодил». В этом году постановка удостоилась Национальной театральной премии «Артавазд» в номинации «Лучший спектакль для детей».

Моноспектакль заслуженной артистки Узбекистана Фотимы Режаметовой «Я люблю и люблю!» (автор инсценировки и режиссер-постановщик – Левон Узунян) участвовал в фестивале онлайн. Остается только сожалеть, что эту постановку не пришлось посмотреть вживую. Тем не менее результатом заочного участия стало приглашение спектакля сразу на два международных театральных фестиваля.

Юбилейный «Арммоно» завершился «Рыцарской рапсодией» Егише Чаренца в завораживающем исполнении заслуженного артиста Армении Самвела Багиняна.

Грузию на фестивале представлял Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова – моноспектакль Ирины Мегвинетухцеси «Ангелова кукла», самая первая постановка по рассказам легендарного Эдуарда Кочергина, осуществленная Дмитрием Егоровым (это была третья режиссерская рабо-

та молодого постановщика). Сценографическую идею спектаклю подарил сам Кочергин, а первые зарубежные гастроли грибоедовской «Ангеловой куклы» с успехом прошли в Санкт-Петербурге, на сцене БДТ.

Кстати, в этом году исполнилось ровно полвека, как Эдуард Степанович служит главным художником Большого драматического театра. Классик сценографии, за последние десятилетия он стал признанным писателем, увенчанным многочисленными литературными премиями.

Излишне уточнять, что в Ереване спектакль «Ангелова кукла», одна из самых блистательных театральных работ Ирины Мегвинетухцеси, шел в звенящей тишине зрительного зала, который актриса покорила с первой же секунды, и завершился восторженными овациями. К аплодисментам и цветам Ирине, конечно, не привыкать. Но на этот раз одному из зрителей удалось удивить ведущую актрису театра им. Грибоедова – по окончании спектакля он не просто вручил ей огромный букет, но и осыпал ее лепестками роз – ко всеобщему ликованию. Этим благодарным зрителем оказался выдающийся художник Маис Мхитарян, который выразил свой восторг вот таким оригинальным образом.

Ирина Мегвинетухцеси оказалась в числе тех нескольких участников фестиваля, которые были награждены памятной медалью «Арммоно XX», специально выпущенной в 2022 году.

Остается добавить, что грибоедовцы пообещали организаторам непременно принять участие в «Арммоно» в следующем году. Постарайтесь сдержать слово. Тем более что этот фестиваль, как и было сказано, – самый настоящий праздник. И для тех, кто создает спектакли, и для тех, кто их смотрит.

До новых встреч, «Арммоно»!

Михаил Киракосян

«ИСПИВШИЙ ВОДЫ ИЗ КУРЫ»...

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

С картины смотрит красивый мужчина с голубыми глазами, его лицо наполовину закрывает темная защитная маска, волосы усыпаны разноцветными бабочками изумительной красоты. Этого загадочного мужчину зовут Давид, а создал его более пятисот лет назад гениальный итальянец Микеланджело. А в 2022 году любители искусства могут лицезреть его портрет в обрамлении удивительной гаммы цветов. Это не рисунок, как может показаться вначале, а фотоколлаж, автором которого является известный российский фотограф армянского происхождения с грузинскими корнями Михаил Киракосян.

Он родился в 1985 году в Тби-

лиси. Детство будущего фотографа прошло на тбилисском Монмартре – проспекте Руставели, где на ступенях здания Академии наук Грузии художники продавали свои картины. «Мой дедушка, Георгий Мхчан, был сапожником на Руставели. Когда мы шли к нему на работу, я рассматривал эти рисунки, и с детства приобщался к красоте», – вспоминает Михаил. Семья жила в поселке ТЭВЗ (район Тбилисского электровозостроительного завода). Мальчик учился в 116-й английской школе, которая находилась рядом со стадионом «Динамо». «По грузинскому языку у меня была пятерка», – не без гордости признается он.

Большую роль в воспитании Михаила сыграл дедушка, став-

ший для него примером мастера, влюбленного в свою профессию: Георгий Мхчан в совершенстве владел ремеслом, и маленький Миша с восторгом наблюдал, с какой филигранной точностью дед чинит обувь. Рядом с его мастерской находилось фотоателье, где фотографировались «на память»: в день свадьбы, после окончания школы, в годы студенчества... «Там царилла какая-то особая атмосфера таинственности: поставленный свет, громоздкая камера на длинных «ножках», бархатные занавеси. Я привез с собой в Москву свой детский альбом с черно-белыми фотографиями, сохранил его в память о родине. Как сказал Кнут Гамсун, «тот, кто хоть раз напился воды из реки Куры, будет вечно тосковать по Кавказу и стремиться туда обратно».

Потом настали голодные и холодные 90-е годы, без света, отопления и газа, с керосиновыми лампами и длинными ночными очередями за хлебом. Люди спали в одежде, чтобы не замерзнуть. Из-за сложившегося тяжелого положения многие наши соотечественники были

вынуждены покинуть страну. Семья Михаила переехала в Москву, тогда мальчик учился в четвертом классе. Пережитые в тот период невзгоды закалили Киракосяна, и он приобрел иммунитет в отношении сложных жизненных ситуаций. «Сейчас, когда в нашем подъезде выключают свет, начинается паника, соседи звонят в различные инстанции, а мы воспринимаем это спокойно, помним, через что

телем проектов. Затем завершил курсы в фотошколах известных российских мастеров Михаила Панина и Владимира Вяткина и понял, что фотография стала делом его жизни. Михаил унаследовал от деда преданность профессии и привычку «безжалостно отрезать любой лишний сантиметр» (так охарактеризовал писатель Хантер Дэвис процесс работы Джона Леннона над своими песнями), чтобы в итоге

граф делит творческий процесс на два этапа. В первую очередь, это генерирование идеи, формирование концепции, затем – воплощение замысла в жизнь: съемки и обработка изображений.

А дальше начинается продвижение фотопроекта. «Создать хороший продукт несложно, намного труднее его реализовать. Малевич как-то сказал: «Понятно, что ты так нарисуешь, но ты

Фото из серии «Монументальная геометрия»

нам пришлось пройти много лет назад, и подобные «проблемы» нас не беспокоят».

От архитектора до фотографа

После окончания школы была учеба сразу в двух московских институтах – строительном и архитектурном. В этой сфере он проработал около десяти лет, начинал рядовым проектировщиком, спустя годы стал руководи-

достичь желаемого результата.

Киракосян вкладывает в работу огромную энергию и духовные силы, что требует большого терпения: не каждый фотограф готов месяцами корпеть над несколькими снимками. Он называет свои проекты продуктами, которые предназначены для всех любителей фотографии, но в зависимости от жанра работ у каждой конкретной фотосерии – своя целевая аудитория. Фото-

так продай». Существует огромное количество фотографов, которые гениально снимают, но о них никто не знает. «Умение продать произведение искусства такой же талант, как создание картины», – отметил Михаил. По его словам, в Европе, Японии, Китае, странах Азии художественная фотография ценится так же высоко, как и живопись, за фотоработы готовы платить, а российский рынок в этом отно-

Фото из серии «Мону­мен­тальная геометрия»

шении слабо развит. Киракосян отметил, что приобрел известность на международной арене после того, как стал активно работать над продвижением своих проектов.

Светописный портрет Москвы

Слово «фотография» в переводе с древнегреческого означает «светопись», проект Михаила «Мону­мен­тальная геометрия» можно смело назвать живописью светом. На снимках – известные архитектурные памятники и сияющие ослепительным блеском небоскребы Москвы. Что ни кадр – то открытка, но это не тривиальные

красочные карточки, которые любой турист с радостью купит, это – нечто большее. Знакомые всем строения – собор Василия Блаженного, Спасскую башню, храм Христа Спасителя, Останкинскую башню. Казалось бы, ну что здесь необычного? Но дело не в том, что снято, а в том – как.

Эта серия является яркой иллюстрацией того, что ее автор по профессии – архитектор, много лет проектировавший здания, владеющий искусством и наукой градостроительства. Поэтому снимки Киракосяна отличаются тем, что автор «иначе» смотрит на здания, знает всю их «подноготную». Съёмка архитектуры – один из самых сложных жанров

фотографии, требующий умения до мельчайших деталей просчитывать все нюансы будущей картины. Нужно заранее определить точку съёмки, ракурс, откуда и как будет падать свет, в какое время суток снимать, немаловажную роль играет погода, которой невозможно управлять. «На фотографию храма Василия Блаженного я потратил примерно год. Я не сторонник бесконечного нажимания на спусковую кнопку, а потом отбора из сотен фото в фотопрограмме, снимаю объект в один-два кадра. «Мону­мен­тальная геометрия» на 90 процентов состоит из картинок, снятых с первого кадра. Второй кадр снимался для

«Московский зоопарк. Изоляция»

Пандемия коронавируса стала настоящим испытанием для всего мира. Фотографы ринулись снимать «красную» зону (отделения в госпиталях, где в карантине проходили лечение пациенты с коронавирусом). Но Михаилу не хотелось снимать там. Не потому что это было опасно, а потому что там работали все репортеры. На протяжении сорока дней дома, в изоляции, он обдумывал идею проекта, который можно было осуществить в условиях полного локдауна. «Все мы спасаем людей, а как эпидемия повлияла на животных, как они переживают карантин? Я подумал, а ведь в зоопарке остались сотрудники, зоологи, ветеринары, продолжающие исполнять свои ежедневные обязанности. И пошел туда снимать», – говорит Михаил.

Изначально целью проекта было сделать серию фотографий для архива, повествующую о жизни Московского зоопарка в период карантина 2020 года. Однако снимки Михаила превзошли ожидания его самого, в ходе работы выяснилось, что кадры очень далеки от «протокольной» съемки, когда зритель видит профессионально выполненный «сухой» репортаж с места события. Фотоистория, которая должна была показать, как животные переживают изоляцию, стала окном в большой мир, через которое люди смогли узнать тайны «закулисья» столичного зоопарка.

По времени изоляция совпала с началом весны, периодом, когда некоторые животные впервые после зимних месяцев переходят в открытые вольеры, и для них отсутствие посетителей стало неожиданностью. «Животные в период пандемии, без пристального внимания зрителей, вели себя более естественно и непринужденно. У них тоже есть чувства, что прекрасно видно на каждом снимке», – объяснял Киракосян. Он несколько недель снимал будни зоологического сада – птиц, гуляющих в дождливый день по пустынным аллеям, ветеринаров с фонендоскопами, проверяющих состояние здоровья питомцев, кухню, где повара

составляют отдельное меню для каждого жителя парка, работников, следящих за чистотой вольеров... «С началом изоляции ничего не изменилось – животных по-прежнему нужно было кормить, лечить, ухаживать за ними. Братья наши меньшие, независимо от внешних условий, продолжали получать бесконечную любовь и заботу сотрудников», – отметил фотограф. По его словам, никто в мире еще не делал подобного проекта. Лучшие фотографии этой серии представлены на портале «Музейная Москва онлайн».

Они похожи на нас

Во время съемок в зоопарке Киракосян начал ощущать ответную реакцию со стороны животных, некий психологический обмен энергией. В первый же день своего пребывания в парке он сделал фотографию двух горилл, давшую толчок для создания нового цикла работ. Михаил показал этот снимок своему арт-куратору, Владимиру Вяткину, который сказал: «Ты сделал лучшую фотографию в своей серии». Когда были сняты пять портретов животных, стало ясно, что он «ловит» не «удачные моменты», а отражает эмоциональный настрой питомцев зоопарка. И фотограф целиком переключился на съемку братьев наших меньших.

Работая над проектом, Киракосян прочел книгу Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных», где автор писал о том, как схож мир переживаний людей и животных, и название проекта «Мы похожи на вас» появилось само собой. Михаил принял решение не использовать цвет, чтобы не отвлекать внимания зрителя. Черно-белая гамма лучше передает настроение животных.

Во время съемки фотограф преодолел множество препятствий. Животные в зоопарке – дикие, и ему приходилось находиться за пределами вольеров, снимать длиннофокусной оптикой. Иногда этого было недостаточно, и Михаил пользовался дополнительной оптической системой. В этом случае автофокус камеры работает очень медленно, поэтому для передачи

контроля резкости».

Когда рассматриваешь картины из этой серии, кажется, будто автор парит в воздухе – практически все работы сделаны с высоты птичьего полета. Можно подумать, что они сняты при помощи дрона, но Михаил не пользуется им, он фотографирует на среднеформатную камеру, которой нельзя снимать с помощью этого летательного аппарата. Фотографии сделаны из таких учреждений, куда никого не допускают, разрешение на съемку было выдано в виде особого исключения. Лучшие фотографии серии внесены в фонд Музея Москвы.

динамики движения животных фотограф наводил на фокус рукой. Чтобы снять орла в полете, понадобилось сделать порядка 1500 кадров, и только один был в резкости. То же самое происходило с изображениями других обитателей зоосада.

Случалось, что Киракосян с первого раза «попадал в точку», но большая часть кадров оставалась вне резкости, надо было снимать снова и снова. «Спустился два года я сделал ряд попыток поснимать на этот объектив людей в статике, и понял, что у меня уже не получается. Возвращаясь назад, я сам удивляюсь, ка-

прыгнул на меня и повис на сетке вольера. Но в итоге позволил себя сфотографировать: подошел ко мне ровно на две минуты и начал позировать», – вспоминает Михаил. Время от времени он брал с собой друзей, которые помогали ему быстро менять объективы, носить тяжеленное оборудование и разными маневрами привлекать внимание животных. Сотрудники парка давали ценную информацию о поведении и повадках питомцев, советовали, в котором часу лучше фотографировать. Как оказалось, эмоциональное состояние обитателей парка в большой

отмечены международной галерейной сетью LUMAS и представлены в 27 галереях по всему миру, в частности, в Нью-Йорке, Торонто, Мельбурне, Вене, Лондоне, Берлине, Париже, Цюрихе, Мюнхене... С этим циклом работ Михаил прошел в финал международного конкурса «Hasselblad Masters» в категории «Дикая природа». «Мы похожи на вас» – 70 процентов из снятых мною животных входят в «Красную книгу». К сожалению, тенденция их истребления приобретает тревожные масштабы», – подчеркнул Михаил.

Фото из серии «Мы похожи»

ким же образом смог в ручном режиме «поймать» эти эмоции». Для получения удачного кадра надо было часами или даже днями ждать нужного момента.

Например, чтобы сфотографировать льва, Михаил восемь дней по 2-3 часа просиживал напротив его вольера. А панда на первой съемке уснула, и ее никак не могли разбудить. «Леопарда снимал два дня подряд: сперва он рычал и находился слишком далеко для хорошего кадра. В один из дней он даже

степени зависит от погоды, многие из них в дождь или холод чувствуют себя «по-другому», становятся более покладистыми и охотно позировать фотографу. Несмотря на то, что Киракосян с одинаковой теплотой относится ко всем животным, его фаворитом является леопард: «Во время съемок у меня с ним сложились очень интересные отношения. Этот хищник отличается особой грацией, от леопарда невозможно оторвать взгляд».

Фотографии этой серии были

«Реинкарнация» с бабочками

Новый проект Михаила «Реинкарнация» – это симбиоз живописи, фотографии и мастерского использования «Photoshop». «Цифровая фотография не может существовать без «Photoshop» так же, как пленочная – без проявки негатива и печати», – считает Киракосян. Главным «действующим лицом» картин являются бабочки, а за основу фотоколлажей взяты работы таких знаменитых живопис-

цев, как Кандинский, Малевич, Дали, а также вышеупомянутая скульптура Микеланджело.

На созданные в «Photoshop» изображения наложены фотографии бабочек нескольких видов. Проект состоит из двенадцати коллажей, выполненных в стиле различных направлений изобразительного искусства XIX–XX веков: поп-арт, сюрреализм, абстракция, супрематизм, дадаизм. Как говорит сам автор, название выбрано неслучайно – «реинкарнация» во многих верованиях и философских течениях означает «повторное воплощение», когда бессмертная

живописи, смогут по достоинству оценить люди, обладающие определенными знаниями в сфере искусства. Далеко не каждый может отличить работы Сальвадора Дали от Казимира Малевича и других».

Для этого проекта надо было найти нужных бабочек, что оказалось делом нелегким. После долгих поисков он совершенно случайно узнал о Марии Шабдурасуловой, обладательнице большой коллекции этих насекомых, и она любезно согласилась предоставить ее: «Мы договорились о съемке, мне даже доставили бабочек из-под стекла. Ког-

картинам. Киракосян выбрал бабочек средних размеров, чтобы при съемке макрообъективом добиться максимальной резкости изображения насекомых.

Первым коллажем фотопроекта стала работа под названием «Дежавю», включающая изображение четырех бабочек, три из которых относятся к одному виду. Источником вдохновения послужило творчество известного представителя поп-арт Энди Уорхола. За основу другого коллажа «Пространство абсурда» взята работа великого испанского сюрреалиста Сальвадора Дали «Постоянство па-

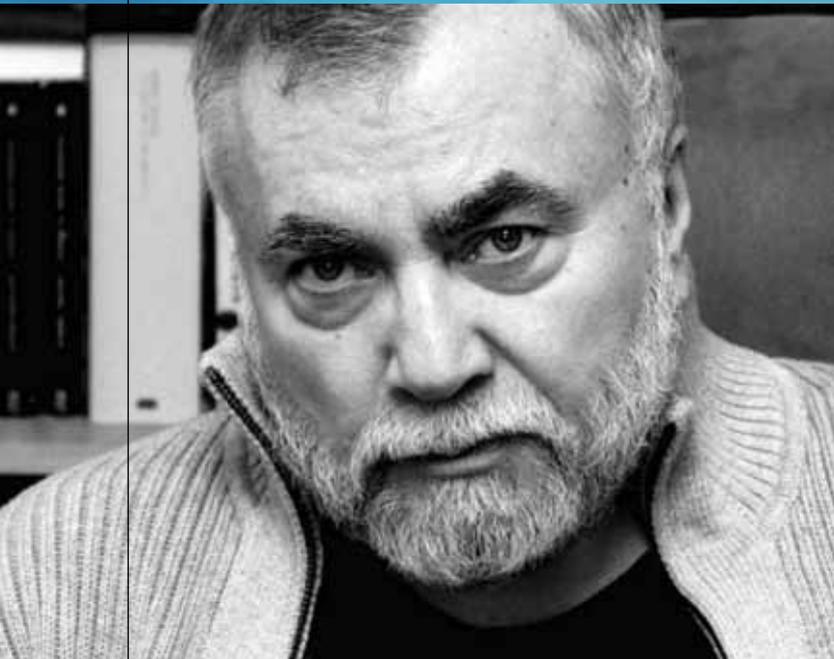
сущность живого существа перевоплощается из одного тела в другое.

Жизненный цикл бабочек тоже состоит из ряда последовательных превращений: из яиц вылупляются личинки, которые затем превращаются в куколок, а куколки – во взрослых крылатых насекомых. Михаил добавил в эту цепочку еще одну метаморфозу – он сделал бабочек частью произведения искусства: «Картины, которые я «реинкарнирую» из шедевров мировой

да разглядываешь насекомое с близкого расстояния – видна текстура крыльев, и она очень напоминает мазок кисти на холсте».

Съемка бабочек заняла около двух дней, всего было сфотографировано сорок семь насекомых. На создание завершённых фотоколлажей потребовалось примерно семь месяцев – столько времени понадобилось на определение художественных стилей и для подбора бабочек к конкретно взятым

мента». Помимо бабочек в этой картине, Михаил использовал и другие элементы (изображения рыбы и металлического сундука). Они отражают современную жизнь и бытие человека сквозь призму мировоззрения Киракосяна. Сейчас фотограф работает над оставшейся частью проекта. Новые коллажи будут исполнены в таких стилях, как оптическое искусство, модернизм, кубизм и, возможно, импрессионизм.

Алексей Цветков

«ДА, ЭТО Я...»

Вот уже и сорок дней прошло, как ушел Алексей Цветков – большой поэт, наш большой друг. Боль потери не утихает и не утихнет, видимо, никогда.

Алексей Петрович не раз приезжал к нам на поэтические фестивали, всегда откликнулся на наши радости и горести – теплыми, живыми словами поздравлений или сочувствия... До последнего дня состоял в Общественном совете «Русского клуба».

Слава богу, мы успели, успели объясниться ему в любви и восхищении, встретить как самого дорогого гостя (впрочем, в Грузии каждый гость – самый дорогой) и расстаться с непременным условием – до новой встречи...

«Я бывал во многих странах, но практически не помню такой, где хозяева были бы столь доброжелательны к гостям, – признавался поэт. – Все остальное тоже замечательно – природа, еда и прочее, но гостеприимства, равного грузинскому, я не помню. Я всегда радуюсь встречам с людьми, которые лучше меня, это признак того, что у нас еще есть шансы на этой планете. Я думаю, что они выше всего именно в Грузии».

Светлая благодарная память!

Да, это я. Таким себе кажусь.
 Моих досугов мелкие затеи.
 Немного в пересмешники гожусь
 И в нытики, коль скоро не в злодеи.
 Но все же подозрителен порой
 К предвзятости, к напыщенному визгу.
 Все временно. Надежда – мой пароль.
 Да, это я. Таким себя я вижу.
 Потомок совестливой старины,
 Одетый в боль, как в чешую сазанью,

На Международном поэтическом фестивале в Грузии

Ищу какой-то третьей стороны
 У плоскости, дарованной сознанию.
 Рассейся, сердце, ничего не значь –
 Я и тогда с сомнением не слажу.
 Пускай я слеп. Но, значит, кто-то зряч,
 И он стяжает истинную славу.
 Любую мелочь вымери и взвесь,
 Служи зениту, солнечному полдню.
 Свою любовь ты оставляешь здесь.
 Да, это я. Таким себя я помню.

Оскудевает времени руда.
 Приходит смерть, не нанося вреда.
 К машине сводят под руки подругу.
 Покойник разодет, как атташе.
 Знакомые съезжаются в округу
 В надеждах выпить о его душе.
 Покойник жил – и нет его уже,
 Отгружен в музыкальном багаже.
 И каждый пьет, имея убежденье,
 Что за столом все возрасты равны,
 Как будто смерть – такое учрежденье,
 Где очередь – с обратной стороны.
 Поет гармонь. На стол несут вино.
 А между тем все умерли давно,
 Сойдясь в застолье от семейных выгод
 Под музыку знакомых развозить,
 Поскольку жизнь всегда имеет выход,
 И это смерть. А ей не возразить.
 Возьми гармонь и пой издалека
 О том, как жизнь тепла и велика,
 О женщине, подаренной другому,
 О пыльных мальвах по дороге к дому,
 О том, как после стольких лет труда
 Приходит смерть. И это не беда.

Алексей Цветков и Тариэл Цхварадзе

в ложбине станция куда сносить мешки
всей осени макет дрожит в жару твердею
двоюродных кровей проклятия смешны
не дядя-де отнюдь тебе я
в промозглом тамбуре пристройся и доспи
на совесть выстроили вечности предбанник
что ж дядю видимо резон убрать с доски
пржевальский зубр ему племянник
ты царь живи один правительство ругай
ажурный дождь маршрут

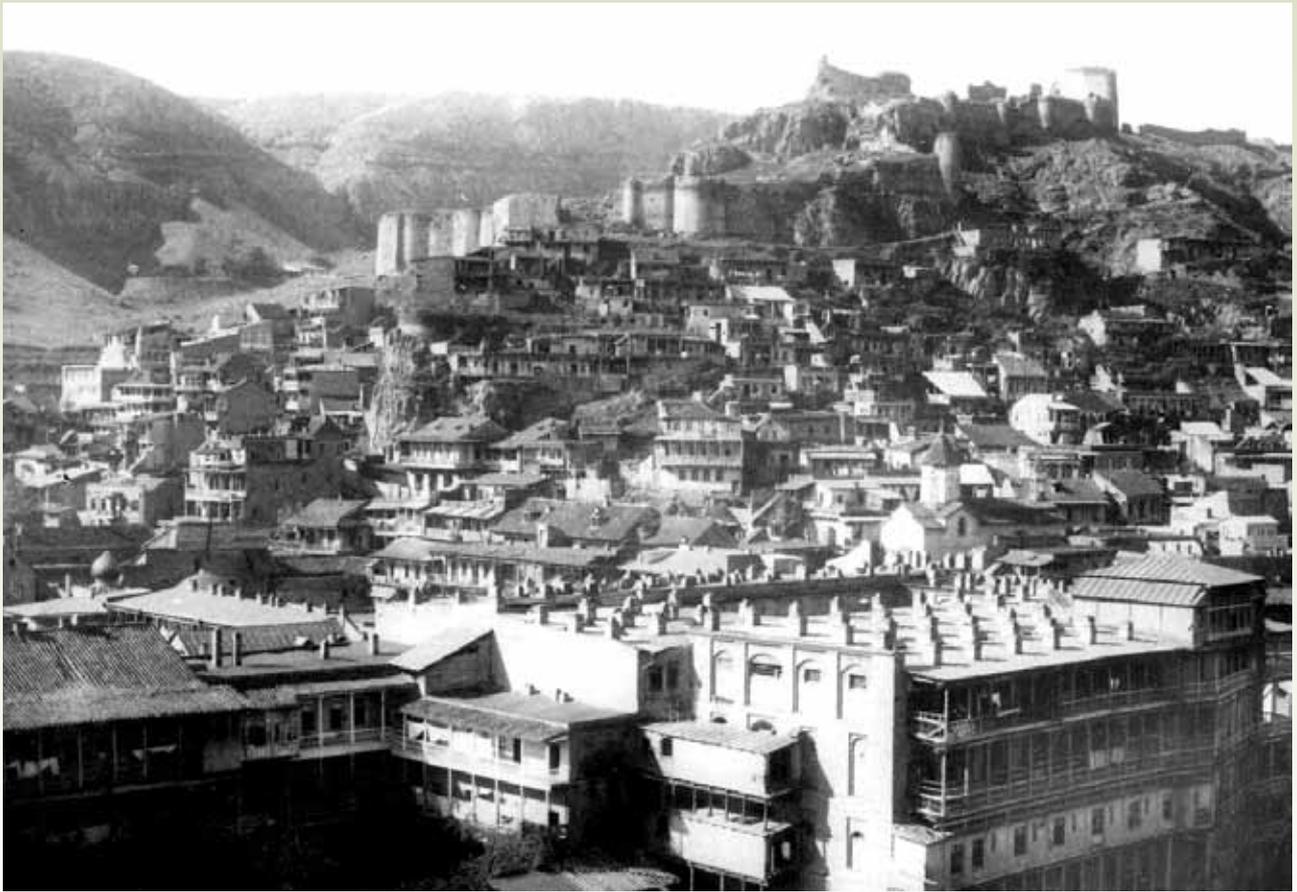
заштриховал окрестный
одна судьба сургут другая смерть тургай
в вермонте справим день воскресный
я знаю озеро лазурный глаз земли
нимроды на заре натягивают луки
но заполночь в траве прибрежные зверьки
снут как небольшие люди
нет весь я не умру душа моя слегка
над трупом воспарит верни ее а ну-ка
из жил же и костей вермонтского зверька
провозгласит себе наука
се дяде гордому вся спесь его не впрок
нас уберут равно левкоем и гвоздикой
и будем мы олень и вепрь и ныне дикий
медведь и друг степей сурок

стал он звать золотую рыбку
голосом молвит человеческим
хочет в бабы секретаршу ритку
и за декабрь ипотеку тоже нечем
приплыла к нему рыбка спросила
записала в блокнот и все забыла
ни чтоб здарсьте ему ни он спасибо
чайка подписью под досье залива
что еще скажешь синему морю
плесни в стакан чем помочь горю

эти рыбки и вся морская закуска
сочинение без совести и чести
жизнь как мессинский пролив где узко
там и нет прохода утони на месте
что ни утро ни дома нигде ни ритки
пушкин на ветвях кот ученый в мыле
так и тянет к прибору типа бритвы
кота наголо и себе опочить в мире
прах любое богатство грош вся гордость
детство кончится и ничего не будет
в синем море лишь человеческий голос
без человека кричит оторванный бурей
умирает чайка голову в перья прячет
голос чуть помолчит и опять плачет

напрасно в направленье ада
прокладывать загробный путь
давайте умирать не надо
продолжим жить куда-нибудь
пусть било нас и обидало
надежда выжжена в груди
но там же обнажает жало
такое что не приведи
ведь жив же каждый жабры грея
под общим солнцем без труда
я к вам привык за это время
зачем расстанемся тогда
жаль что однажды как цунами
слизнет и больше ни души
есть и плохие между нами
но мы и сами хороши
нас мало канарейка мышь ли
зимой озябшие в пальто
живите все какие вышли
и все простите если что

«Прошу прощения, писать не о чем, а то о чем есть – малоинтересно. Реанимация, но симпатичный врач. Полагает, что раз обо мне справляется столько людей со всего Израиля, я в их жизни сделал что-то хорошее», – последняя запись Алексея Цветкова на его странице в фейсбуке...

Таким описал Тифлис Наполеон Ней

«...И РУКА НЕВОЛЬНО ТЯНЕТСЯ К КОШЕЛЬКУ»

■ Владимир ГОЛОВИН

В 1899 году в Париже вышла книга, которую просто нельзя было не заметить. Во-первых, на обложке значились знаковые во Франции имя великого императора и фамилия его маршала. А во-вторых, названием книги стало имя города, в течение всего XIX века остававшегося для французов символом экзотики и красоты. Автора книги звали Наполеон Ней, а называлась она «Тифлис».

Дедом бывшего военного и путешественника, написавшего эту книгу, был знаменитый маршал Мишель Ней. Это – удивительная личность. Наполеон назвал его «храбрейший из храбрых». Он отличился во многих сражениях, при отступлении французской армии из России прикрывал ее отход при переходе через Березину

и спас остатки войска. В последнем бою под Ватерлоо под ним были убиты пять лошадей.

Именно Ней уговорил Наполеона отречься от престола, и за это сменивший императора король Людовик XVIII назначил его членом военного совета. А когда Наполеон вернулся с острова Эльба, маршал пообещал королю привести его живым или мертвым, но вместе со всей своей армией перешел на сторону Бонапарта. И в декабре 1815 года Ней расстреляли как государственного изменника. Команду «Пли!» солдатам отдал он сам. А через 38 лет на месте расстрела ему поставили памятник.

В отличие от всех потомков полководца, автор книги «Тифлис» не унаследовал уникаль-

Легендарный маршал Ней

Наполеон Ней в молодости

ный дворянский титул, специально созданный Наполеоном для маршала – князь Москворецкий (Prince de la Moskowa). Это – в честь битвы, которую русские называют «Бородинская», а французы – «На Москва-реке». Писатель, родившийся в 1849 году, не имел права на тот титул – он был незаконнорожденным отпрыском сына маршала. А вот на наследстве, доставшемся ему от отца, это не отразилось. Тот умер, когда мальчику было 8 лет, и оставил своей второй семье неплохие деньги.

В 21 год под полным именем Наполеон-Жозеф-Мари-Мерседес-Поль Ней маршальский внук-бастард сражается волонтером на франко-прусской войне. А после падения Империи остается на военной службе, служит офицером в Алжире, пишет пару книг по воинской науке и в 1880 году участвует в некоей «секретной миссии на Востоке». Как сообщает вскользь его не очень ясная биография, он бывал еще в Испании, Португалии и Тунисе.

Кстати, зовут его уже не длинным полным именем, а просто Наполеон Ней. В 1883-м он выходит в отставку и становится дипломатом. Через три года даже отправляется в Северо-Американские Соединенные Штаты – в составе парламентской делегации Французской Республики на торжественное открытие статуи Свободы. А потом внук маршала совершает удивительные по тем

временам путешествия. И, делая ими с соотечественниками, становится писателем. Его книга «В Центральную Азию на пароходе» о Закаспийской железной дороге (Транскаспии) – поистине фантастическом прорыве технических и военных достижений в глубины Азии.

Строительство магистрали русскими железнодорожными батальонами началось в 1880 году, она потребовалась для военных экспедиций. До этого, как справедливо отмечает писатель и историк Кирилл Серебренитский, «на протяжении столетий европейцы попадали в Самарканд и Бухару изредка, и в основном – в качестве рабов, которых похищали при случае и продавали бухарцам то калмыки и казахи на севере, то пуштуны и белуджи на юге».

Да и Российская империя тщательно оберегала Туркестан (как тогда называли эту часть Центральной Азии) от проникно-

вения иностранцев – до тех пор, пока туда не завершились завоевательные походы. Наполеон Ней, излагая восьмилетнюю историю создания магистрали от Красноводска до Самарканда, считает ее эпохальным событием, равным строительству Суэцкого канала. Даже в 1880-х европейцы попадали в эти далекие от их цивилизации края очень редко. И каждый из них считал себя чуть ли не первооткрывателем.

Ней проезжает по территориям современных Туркмении и Узбекистана и в мае 1888 года присутствует в Самарканде на торжественном открытии вокзала. На окончание строительства дороги он попадает маршрутом: Крым-Батум-Тифлис-Баку и затем – через Каспийское море. Через четыре года сам Жюль Верн использует его книгу для своего романа «Клодиус Бомбарнак» – о путешествии французского журналиста вместе с людьми из разных стран по Транскаспию,

Открытие статуи Свободы в Нью-Йорке

Строительство Закаспийской железной дороги

через Азию в Китай.

Сотрудница французского Национального центра научных исследований (CNRS) Светлана Горшенина, уточняя, что Наполеон Ней был «потомственным военным и завсегдадем светских салонов», пишет: «Его книга, написанная сразу же после поездки и изобилующая многочисленными деталями, слухами и анекдотами, получила известность во Франции. Светская публика Парижа не только убедилась в реальности существования этой трассы, но и укрепилась в желании посетить Самарканд, «сияющую Венецию Средней Азии».

Но при всем уважении к описанию среднеазиатских приключений нас больше интересует та часть книги «В Центральную Азию на пароходе», где говорится о Тифлисе 1888 года. Грузинской столице французский путешественник посвящает целую главу. Пишет он довольно лаконично, но в то же время обстоятельно и даже красочно. Проявляя при этом неплохое знание истории.

Скорее всего, это знание появилось после прочтения книги «Кавказ» Александра Дюма, который проехал по этому краю за 30 лет до приезда Ней. Так, ведя речь о Батуми или о Западной Грузии, маршалский внук вспоминает аргонавтов и древнюю Колхиду. Минюя Мцхету, перечисляет ее древние памятники.

Рассказ о самом Тифлисе

начинается с фотографии, изображающей Старый город под крепостью Нарикала. А затем – приятные воспоминания о местных извозчиках и о «прекрасном экипаже», который доставил его с вокзала на главную площадь города – Эриванскую. Там гость поселяется в гостинице «Кавказ» и особо подчеркивает, что доволен ее рестораном, в котором к тому же цены «вполне нормальные и не похожи на те, что пришлось платить в Батуме». Видимо, в портовом городе гостя

сильно «накрыли».

А вот традиционный тифлисский духан, который Ней называет «расположенным в подвале восточным рестораном», ему не нравится. Наверное, не хватает европейского лоска. Хотя грузинское вино он весьма хвалит и даже описывает способ его приготовления. Зато общий колорит старой части города, «где улицы кривые и узкие», нравится очень.

Особенно впечатляют французца «дома с плоскими крышами и выступающими балконами, как

Гостиница «Кавказ», где останавливался Н. Ней

будто посаженные друг на друга». И, конечно, возвышающиеся над ними остатки крепости Нарикала, «стены и зубчатые башни которой кажутся естественным продолжением серой скалы, на которой они находятся». И Ней не скрывает восторга от живописной картины: крепость на фоне ясного голубого неба.

Еще одна восхитившая его картина – вид на гору Казбек, открывшийся с одного из мостов через Куру. Ней обошел все тогдашние мосты (благо, их было тогда не так уж много) и подчеркивает, что они соединяют две неравные части города. Одна из них – столь понравившийся ему Старый город. Как и каждый,

между двумя горными хребтами.

Сады привлекают его и в новой части города. Это, как сказали бы сейчас, рекреационные зоны, созданные на левом берегу Куры немецкими колонистами. Ней подробно рассказывает читателям о том, как немцы приехали в Грузию из Вюртемберга в 1818 году, как за 70 лет украсили город садами, проспектами и зданиями, сумели обеспечить его продуктами и создать различные производства. Узнать об этом было не трудно – в тифлиских гостиницах был тогда популярный в Европе путеводитель Карла Бедекера, писавшего и о своих земляках.

А о собственных земляках

упоминает имена царя Давида и царицы Тамар, считает своим долгом сообщить читателям, что название столицы Грузии «означает – теплый город». И, конечно, объясняет, что это связано с теплыми минеральными источниками, которые используются в «знаменитых банях, о которых Александр Дюма говорит с таким энтузиазмом».

Естественно, Ней не мог и сам не побывать в этих банях. И, написав о них с восхищением, подтверждает свои впечатления цитатой опять-таки из Дюма. А еще он побывал в Кавказском музее и объявил, что его экспонаты «очень интересны». И очень сожалел, что не смог встретиться

Тифлис конца XIX века

приехавший в Тифлис, француз ходит по экзотическому базару, восхищаясь тем, что там «продаются всякие достопримечательности, и рука невольно тянется к кошельку».

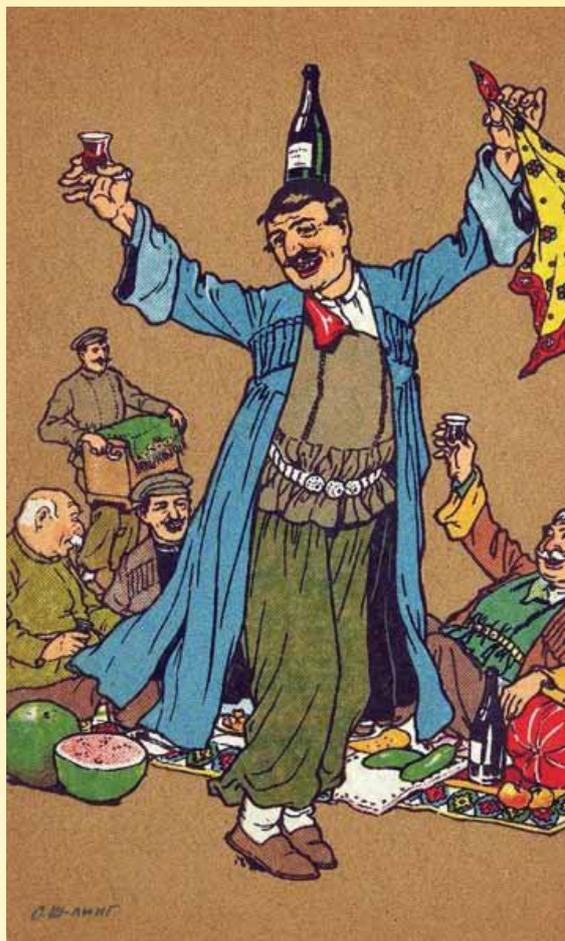
Дотянувшись до кошелька, Ней покупает два персидских ковра, а потом в деталях знакомится с ремеслами, которыми славится город. Особенно нравится ему производство серебряных изделий с чернью, «которые употребляются как украшение оружия и одежды». А узнав, что в Тифлисе есть замечательный Ботанический сад, он не жалеет ни сил, ни времени, чтобы осмотреть эту достопримечательность

Ней пишет кратко: «Французов в городе несравненно меньше, но они пользуются большим уважением». Он подчеркивает, что иностранцы живут в основном в новой части города «вполне европейского вида с широкими улицами и хорошими магазинами». И что там «трамвай бельгийской компании хорошо обслуживает жителей». Речь здесь идет, конечно, о конке – электрический трамвай появился в Тифлисе лишь в 1904 году.

И еще одно свидетельство того, как Наполеон Ней собирал сведения о грузинской столице до того, как появиться в ней. При описании ее он несколько раз

с основателем и директором музея, замечательным ученым Карлом Радде – тот был в отъезде.

Из Грузии путешественник через Баку отправился на свой основной маршрут – Транскаспийскую магистраль. Чтобы оставить о ней впечатления более обширные, да еще с элементами экзотических приключений. Глава о грузинской столице легла в основу его последней книги «Тифлис». Автор пережил ее всего на год, он скончался в 1900-м. Вполне в «наполеоновском» возрасте – императору тоже был 51 год, когда он ушел из жизни.

ЛЮБОВЬ БЕЗ АКЦЕНТА

■ **Светлана СИНАТАШВИЛИ**

Вам знакомо слово «филокартист»? Оно не на слуху, а вполне себе обычное хобби – коллекционирование открыток. Открытка – особый вид почтовой карточки, часто с декоративным изображением. Такое открытое письмо можно было отправить без конверта, и любой мог его прочитать. Эти письма были самым дешевым видом почтового сообщения и первоначально представляли собой простые белые карточки без рисунка. В других языках за открыткой закрепилось именно название «почтовой карточки» (Postkarte – в немецком, carte postale – во французском). Считается, что традиция отправлять открытки началась с визитных карточек.

Официально почтовая карточка родилась 1 октября 1869

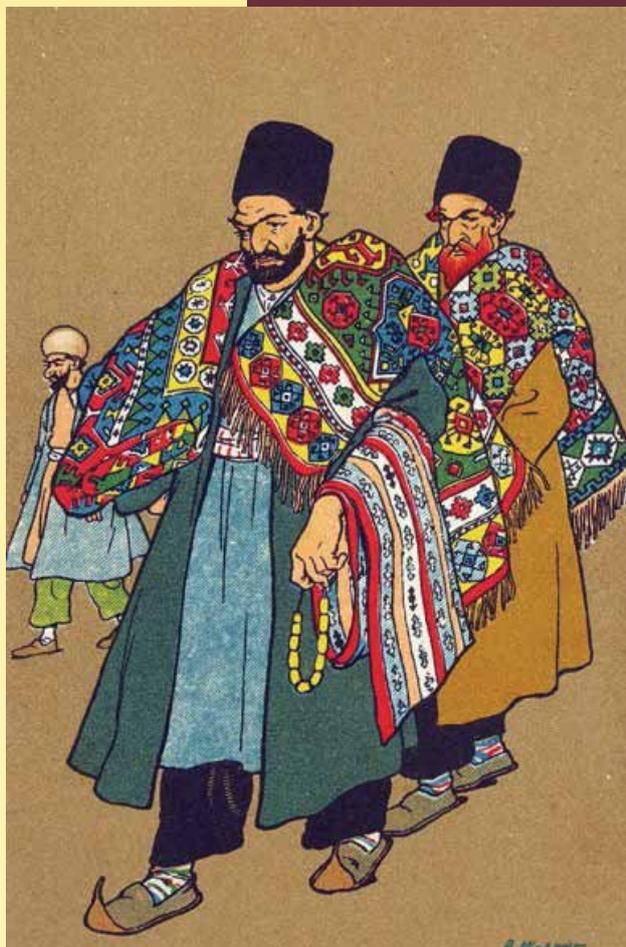
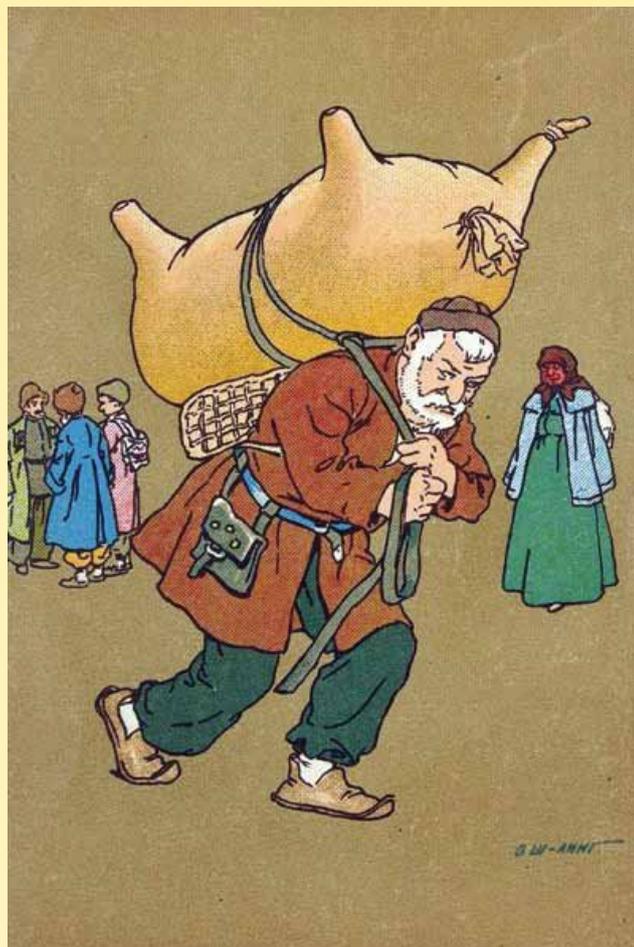
года в Австрии, но ее прототипы появились задолго до этого. Самая старая поздравительная открытка хранится в Британском музее и датирована XV веком. Одновременно она является и первой «валентинкой», так как содержит поздравление ко Дню Святого Валентина и принадлежит руке не кого-нибудь, а самого герцога Орлеанского.

Одно из ранних упоминаний о поздравительных открытках относится к 1777 году, когда «Парижский почтовый альманах» поместил сообщение о том, что «по почте пересылаются как приветствия и поздравления на самые различные случаи гравированные карточки часто с текстом; они пересылаются открытыми для всякого». Автором этого изобретения называют гра-

вера Демезона. Сами открытки этого периода до наших дней не дошли. А в XVIII веке пересылка поздравлений по почте стала делом обычным. Но карточки изготавливались вручную, часто на заказ у известных художников, и были настоящими произведениями искусства.

В России открытки были введены в обращение в 1872 году, а первые иллюстрированные появились в 1894-м. Сначала это были только видовые открытки, но постепенно их тематика расширилась. Сегодня каждая дошедшая до нас представляет собой отпечаток прошлого, момент повседневной жизни, застывший в истории. Открытки могут повествовать о многом, это своего рода дайджест XX века, в котором отражаются и важнейшие мировые события, и примечательные изменения в быту людей. Открытками часто иллюстрируют учебники истории, их используют в научных исследованиях, устраивают выставки.

Недавно я просмотрела открытки «Грузинские типы» Оскара Шмерлинга. Рисунки

были сделаны в 1910 году, но переизданы уже при советской власти под названием «Уходящий Тифлис». Просмотрела... и «заболела» этими чудесными открытками. Стала собирать информацию.

Оскар Иванович Шмерлинг родился в 1863 году в Грузии, в семье немецкого колониста. В 1884 году поступил на отделение гравюры Петербургской академии художеств. Затем продолжил учебу в Мюнхенской академии по специальности «батальная живопись». В 1892 году, вернувшись в Тифлис с семьей, Шмерлинг сразу же включился в культурную жизнь города.

В 1898 году открыл первую на Южном Кавказе начальную художественную школу, где преподавал до 1902 года, а впоследствии основал Школу художества и скульптуры в Тифлисе, был ее первым и бессменным руководителем и одним из педагогов. Он привлек к преподаванию в школе таких известных мастеров, как скульптор Яков Николадзе и художник Иосиф Роттер. После открытия на базе

школы Академии художеств Оскар Шмерлинг стал ее профессором. Его учениками были Ладо Гудиашвили, Кетеван Магалашвили, Александр Цимакурдзе, впоследствии ставшие прославленными художниками.

Автор замечательных пейзажей, батальных и жанровых картин, Шмерлинг активно участвовал в выставках Кавказского Общества поощрения изящных искусств. Сотрудничал с грузинскими, армянскими, азербайджанскими газетами и журналами. Внес значительный вклад в развитие иллюстрации детских книг. Так, именно ему принадлежат иллюстрации первого издания «Деда Эна» («Родная речь») Якоба Гогешаши. В 1929 году состоялась его первая персональная выставка.

В 1933 году в Грузии торжественно отметили 40-летие творческой деятельности Оскара Ивановича. Выдающиеся писатели Шалва Дадиани, Иосиф Гришашвили и Сандро Шаншашвили дали высокую оценку деятельности художника и удостоили его звания «пионера гру-

зинской карикатуры».

Действительно, Шмерлинг создал целую серию характерных колоритных тифлисских типажей. Наблюдения его были столь реалистичны и забавны, а ироничный стиль так ярок и точен, что открытки с его рисунками приобрели огромную популярность, и их переиздавали несколько раз тысячными тиражами.

Удалось найти и научные описания содержания открыток «Уходящий Тифлис». Исследователи пишут о том, что Шмерлинг создает в основном характерные, колоритные типы представителей низших и средних слоев общества. При этом его отношение к изображаемому отличается от отношения других немцев, потому что он пишет быт, с которым очень хорошо знаком, который, можно сказать, стал ему родным, что вполне понятно для человека, в третьем поколении живущего в Грузии. Такое отношение иначе как любовью и не назовешь. любовью без акцента. Видимо, именно поэтому его карикатуры не гротескны, напо-

тив, в них чувствуются теплый юмор и некое сожаление, что этот старый Тифлис постепенно уходит в прошлое. Художник очень точно воспроизводит бытовую атмосферу того времени со всеми ее существенными чертами; заметно, что многие тифлисцы, одетые в грузинские чохи и платья, обладают не совсем грузинской внешностью — это и русско-грузино-армянские типажи, и курды, и азербайджанцы, что естественно для многонационального города.

Чем же так привлекательны эти открытки сегодня? Я долго думала над этим вопросом, и меня вдруг осенило: эти тифлисцы никуда не спешат, они неторопливо наслаждаются жизнью, перебирают хозяйственные ме-

даже вековой давности можно приобрести сравнительно недорого. Но среди них встречаются и настоящие раритеты. В разных странах даже проходят аукционы открыток — онлайн. Специалисты пророчат этому рынку бурное развитие, а ценителям антикварных открыток — большие доходы.

Коллекционирование старинных раритетных открыток стремительно входит в моду, и для собирателей это увлечение может превратиться в весьма выгодную страсть. По мнению экспертов, недооцененными остаются советские открытки 20-30 годов прошлого века. Поскольку каталог этих работ издан совсем недавно, всплеск интереса к данной теме и, соответ-

А независимых экспертов у нас пока нет. Но в самом ближайшем будущем рынок должен стабилизироваться и приобрести цивилизованный вид. Так что, наткнувшись в чулане на запылившиеся пожелтевшие кусочки бумаги, не спешите их выбрасывать. Полученное бабушкой или прабабушкой послание вековой давности может сделать вас чуточку богаче (а может, и не чуточку).

А если же вы уже перерыли все закутки и чуланы, но раритетных открыток не нашли, — не беда. Вы можете выбрать изображение любой понравившейся открытки в интернете, сделать постер, повесить на стену и любоваться — непременно вместе с детьми.

лочи и галантерею, добродушно спорят (даже не спорят, а так, препираются), играют в нарды, пьют вино, сплетничают. Даже танцуют они плавно, величаво.

Может, этим и привлекают они внимание в наше непростое время? Время, когда все нестабильно, резко, противоречиво и напряженно. И как отраднo, пробежав целый день, наслушавшись споров и распрей, устав от новостей, прийти домой и посмотреть на эти спокойные, доброжелательные, улыбающиеся лица, мирные, безмятежные и такие родные.

Какую вообще ценность имеют открытки? Они — продукт массового производства, и карточки

ственно, рост цен неминуемы. «Эти открытки интересуют многих коллекционеров, в них раскрывается жизнь тех лет гораздо шире, чем, скажем, в искусстве плаката», — уверяют эксперты. Коллекционеры уверены: нас ждет «бум» интереса к открыткам данного периода времени.

Самостоятельно разобраться в таком многообразии практически нереально. Однако помощь профессионала влетит потенциальному инвестору в копеечку. «Дилеры» берут за свои услуги около 30 процентов. Специалисты антикварных магазинов тоже себя не обижают — оставляют около 20-30 процентов от стоимости открытки по каталогу.

Вглядитесь повнимательней в лица на открытках. Да ведь это мы с вами, только 110 лет назад. Да-да, мы, наши друзья, друзья наших друзей, соседи по лестничной площадке, милая бабушка-мацонщица из углового магазина у метро, дедушка-букинист, самозабвенно читающий свои же книги, забыв про покупателя, девушка-цветочница с ярким букетом в руках, серьезные студенты с лептопами в сумках через плечо.

Пусть живописные картинки висят в вашем доме на уровне глаз — как своеобразная «группа поддержки». Они помогут вам сохранить мир и душевное равновесие.

УРОКИ ТЕМУРА ЧХЕИДЗЕ

Мысль о том, что Темура Чхеидзе, один из столпов эпохи великой грузинской театральной режиссуры, ушел навсегда, невыносима. Режиссер, отмеченный Богом, Мастер с мировым именем, светлый человек безупречной репутации... Назовите любое, самое замечательное определение, и оно будет о нем – неповторимом, ни на кого не похожем Темура Нодаровиче Чхеидзе.

Чем утешиться? Вспомнить, как недавно Маэстро пришел на премьеру Грибоедовского «Ночь Гельвера» и удостоил ее самой высокой похвалы? Как он вместе с Робертом Стурау открыл именную доску Михаила Туманишвили в Тбилисском университете театра и кино? Как в тот же вечер ему было присуждено звание почетного профессора университета? Как Темура Нодарович провел блестящий мастер-класс для молодых артистов и студентов

из восьми стран на одной из последних Летних театральных школ в Шекветили? Есть что вспомнить. И нечем утешиться...

Постараемся вновь услышать голос режиссера – перечитать сказанное им в разные годы повторить его уроки:

«Человек без юмора не может быть режиссером. Без слуха не может. О вкусах не спорят, я понимаю, и тем не менее – без вкуса не может быть режиссера. Человек без воли не может быть режиссером ни в коем случае. Воли не такой, чтобы заставить всех подчиняться себе, а чтобы ему хотели подчиниться и выполнить так, как он хочет. Некоммуникабельный человек не сможет быть режиссером. Он должен уметь быть центром общества. Не в смысле – душой компании, тамадой, поймите правильно, – а таким,

с которым бы другим хотелось работать. Артист каждое утро не Гамлета идет репетировать, а к Чхеидзе на репетицию идет. Если он просыпается и думает: «О-о-о, опять этот Чхеидзе...», если там даже пьеса хорошая и роль замечательная – то все, у нас с ним ничего не получится. А как этого добиться? Неизвестно».

«Я совершенно не понимаю тех людей, которые говорят от имени зрителя. «Зритель хочет...» Откуда ты знаешь, чего хочет зритель? Я иногда не могу понять, чего хочет мой внук, не то что зритель. Зритель разный, одним нравится одно, другим – другое. У театра должно хватить сил и умения, чтобы представлять обществу разные продукты».

Борис Казинец, Ирина Шимбаревич, Темур Чхеидзе, Олег Басилашвили.
Тбилиси, 2015

«Нельзя быть слишком запрограммированным. Тем более, в моем возрасте. Я же не знаю, может, я ставлю последний спектакль? Для меня главное – свобода. Но мой опыт никому другому не пригодится. У человека остается только то, до чего он дошел сам».

«Все, что я знаю в профессии, берет начало от Михаила Туманишвили. Недаром студенты Туманишвили считают себя внуками Товстоногова, который трансформировал русский психологический театр через грузинскую театральную традицию. Михаил Иванович учил вскрывать истинную причину происходящего, точно определять психологическое состояние. Находить внутреннюю линию поведения персонажа, которая скрыта от нас – то, что раньше называли «внутренним монологом». Это не так старомодно, как кажется. Мы часто отстаиваемся на уровне слов, но ведь они диктуются изнутри. Михаил Иванович никогда нам не говорил, как надо ставить. Он учил нас анализу, тому, что у каждого произведения есть своя внутренняя логика, и вот обнаружить, нащупать пульс

этой логики – это, наверное, самое важное, прежде чем вообще начинать ставить пьесу... Я еще говорю моим ученикам: для актера важно не «входить на сцену», а знать – «откуда идешь».

«У меня отношение к популярности, скажем так, спокойное. Вообще, к славе надо постараться относиться спокойно. Всегда надо помнить, что кто-то рядом лучше тебя».

«Мой стиль – не подчинять, а раскрепощать артиста. Естественно, направляю его в нужную сторону, и чтобы получить целостность, даю ему свободу, но в рамках. Я делаю это для того, чтобы построить здание, меня учили строить. Я не революционер, ничего не разрушаю до основания. Я за эволюционное развитие».

«Сколько бы я ни сражался за консерватизм, новые спектакли будут рождаться в новой эстетике. Даже мои. Если мы получим в результате активное эмоциональное воздействие на зрителей, то – пожалуйста. Если суть пьесы сохраняется, то это нельзя считать кошунством.

Если героиню чеховской пьесы лучше воспринимают, как наркоманку, чем нормальную, то почему нет? Маша в чеховской «Чайке» пьет водку и нюхает табак, следовательно, можно что-то и предположить. Я сам не хочу заниматься таким осовремениванием. Зритель должен почувствовать, что герои Чехова такие же люди, они так же чувствовали, переживали, как и мы. Я могу поймать себя на мысли, что иногда бываю нудным, как Вершинин. А иногда начинаю думать, как Соленый: «Почему Барону можно, а мне нельзя?». А может, моя жизнь прошла так же, как у Чебутыкина?»

«Каждый человек должен заниматься своим делом. Может быть, я не борец, но это не значит, что у меня нет своего мнения. Если у меня накопилась какая-то боль, я стараюсь рассказать о ней через спектакль».

«У меня может быть мое мнение о том, где была допущена ошибка, но это всего лишь мое мнение, и это не значит, что я прав. Меня учили, что первым делом надо найти собственную ошибку. Это самое сложное. Мне хорошо запомнилась фраза американского президента Кеннеди: «Перед сном подумайте, что вы сделали сегодня для своей страны?». Не нужно считать, что кто-то тебе должен. Мы должны понять, что нам никто ничего не должен».

«Большинство людей уходят в лучший мир, так и не поняв: зачем они были здесь? Они занимались делом, оно им удавалось, некоторые были более успешны в своей профессии. Но ведь по большому счету до сих пор нет главного ответа на вопрос: что мы делаем на этой земле? Как же мы можем быть объективны после этого?»

«Не перестаю удивляться, сколько порядочных людей знаю. Они как островки. Когда мне тяжело, вспоминаю про них, их поступки».

По материалам открытых источников

Фото Серго Эдишерашвили

Национальный парк Мтирала

Фото Серго Эдишерашвили